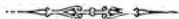

М. Д. СКОБЕЛЕВЪ.

ЗА ДУНАЕМЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

С. А. Гринёва.

К І Е В Ъ.

Тип. И. Крыжановскаго и В. Авдюшенко, уг. Софійск. ул., д. № 2.

1894

Дозволено цензурою. Київ, 26 Января 1894 г.

М. Д. СКОБЕЛЕВЪ.

М. Д. СКОБЕЛЕВЪ.

Казаюсь, русская природа
Его пая мѣди отлила
И въ руки мечь ему дала
Во славу русскаго народа!

Плачь о немъ русское воинство:
онъ былъ твоею честью и укра-
шеніемъ.

(Изъ рѣчи арх. Амаросія).

М. Д. Скобелева я увидѣлъ въ первый разъ на Дунаѣ.

Въ іюнѣ 1877 года минная команда отъ гальвано-саперной роты, входившей въ составъ рѣчнаго отряда, находилась въ с. Парапанъ (между Журжево и Зимни-цей). Отсюда было предположено высылать людей на по-становку минныхъ загражденій у острова Мечки.

8-го іюня, съ первымъ проблескомъ разсвѣта, я былъ разбуженъ сильной ружейной перестрѣлкою. Трескотня была ужасная. Выскочивъ изъ палатки, я увидѣлъ, что весь нашъ маленькій лагерь уже бодрствовалъ. Всѣ съ недоумѣніемъ посматривали на противоположный турецкій берегъ Дуная, который все болѣе и болѣе заволакивался дымомъ.

— Отсюда плохо видно!—крикнулъ кто-то.—Пойдемте къ батарее.

Побѣжали къ батарее. Въ этотъ моментъ въ одной изъ амбразуръ мелькнулъ огненный языкъ, за клубилось облако бѣлаго дыма—раздался первый выстрѣлъ. Гдѣ-то въ сторонѣ повторило его эхо.

Подойдя къ берегу, я увидѣлъ цѣлый Содомъ. Изъ непріятельскихъ ложементовъ, расположенныхъ вдоль противоположнаго берега, залпы не прекращались. У кордона, находившагося какъ разъ противъ острова Мечки, видна была пѣхотная часть приблизительно—двѣ роты. Должно быть—резервъ. Красныя фески суетились. Вотъ, поскакалъ какой-то конный, вѣроятно съ донесеніемъ: гяуры, молъ, переправляются. Снарядъ, пущенный съ нашей батареи въ этотъ моментъ, врѣзался въ кордонъ. Поднялось облако пыли. Фески, какъ опшаренныя, бросились въ разныя стороны.

— Здорово звѣзданула! Эва, какъ тараканы, разбѣжались!

На батарее опять команда.

— Вторая! Пли!

Грохнулъ выстрѣлъ. Изъ дула выкатилось облако дыма,—и двухъ пудовая бомба съ гуломъ полетѣла къ непріятелю.

— А, ну, голубушка, засмоли имъ.

Солдаты расхохотались.

— Да почему пальба-то поднялась?

— Должно, моряки что-нибудь дѣлають.

— Звѣстно, што: монитору ищуть. Послѣ Дубасова и Шестакова всѣмъ имъ Егорія хочется.

Пальба между тѣмъ все болѣе и болѣе усиливалась. Наконецъ, за однимъ изъ острововъ къ сторонѣ Рущука, показался дымокъ.

— Глядите, глядите, братцы! Вонъ, должно быть, и въ правду монитора.

Черезъ нѣсколько моментовъ изъ за острова, дѣйствительно, показался турецкій военный пароходъ. Наша береговая батарея немедленно привѣтствовала его выстрѣлами—и довольно удачно. Пароходъ сразу остановилъ ходъ и, послѣ нѣсколькихъ отвѣтныхъ выстрѣловъ, постыдно повернулъ назадъ.

Послѣ этого непріятельскій ружейный огонь какъ будто еще больше усилился.

— Однако, морякамъ, должно быть, жутко приходится!—обратился ко мнѣ подошедшій поручикъ Г.

— Да въ чемъ собственно дѣло?

— Моряки ставятъ мины. Посмотрите: кажется, уже отступаютъ.

Дѣйствительно отступали. Нѣсколько минутъ спустя, мы увидѣли, что къ нашему берегу медленно

подвигались «кайки» съ массою людей. Везли раненныхъ.

Въ числѣ первыхъ, вынесенныхъ на берегъ, были лейтенантъ гв. экипажа, Скрыдловъ, и художникъ Верещагинъ. Первый былъ раненъ не опасно; второй еще менѣе, но непріятно. Бѣдный художникъ долго не могъ послѣ того сидѣть.

Вскорѣ затѣмъ пришло еще нѣсколько кайковъ и изъ одного выскочилъ молодой, элегантный генералъ въ кителѣ съ вензелями на погонахъ и Георгіемъ на шеѣ.

— Пифпафочка была хорошая. Моряки, однако, молодцы,—сказалъ генералъ, расправляя свои баки и обращаясь не то ко всѣмъ, не то къ никому.

Изъ манерахъ и въ голосѣ сквозила фатоватость. Тогда мнѣ показалось, что генералъ больше всего занятъ собою и вообще не «боевой генералъ».

Поравнявшись съ саперами, онъ крикнулъ:

— Здорово, молодцы!

Саперы дружно ему отвѣтили, но безъ энтузіазма. Генералъ прошелъ дальше. На батареѣ тоже присутствіе.

— Кто это?—спросилъ я поручика Г.

— Это, начальникъ штаба Журжево-Ольтеницкаго отряда, Скобелевъ.

— А!..

Тогда Скобелевъ не былъ еще популяренъ. Войска его не знали. Я тоже имѣлъ о немъ самое смутное понятіе. Зналъ я только, что въ Хивѣ и въ Туркестанѣ отличился какой-то Скобелевъ, разбивавшій чуть-ли не самолично цѣлыя толпища халатниковъ. Лавры и слава богатыря, витязя и полководца, «Суворову равнаго», были еще впереди, о Ловчѣ, Плевнѣ и Шейновѣ никто еще тогда не думалъ, да и самъ Скобелевъ ихъ не зналъ.

За Дунаемъ судьба не привела меня, однако, видѣть М. Д. Скобелева, о чемъ сожалею, такъ какъ впослѣдствіи я его уже увидѣлъ при далеко другой обстановкѣ, а главное, уже героемъ, легендарнымъ богатыремъ.

Весною 1880 года я былъ въ Чикишлярѣ, въ несчастномъ Чикишлярѣ. Удушливая жара, одуряющая скука—и больше ничего. Всѣ ждали новую экспедицію въ Ахалъ-Теке. Толковъ была масса, но положительнаго ничего. Отъ бездѣлья не знали, что начать; вино, каргы—все надобло. А время между тѣмъ тянулось—тянулось, какъ гужемъ. Наконецъ, въ апрѣлѣ пришло извѣстіе, что командующимъ войсками отряда назначенъ Скобелевъ. Всѣ ожили. Ну,

значить, скоро кончится томительный періодъ ожиданія и однообразная монотонная жизнь гдѣ-то, на Богомъ забытомъ, пустынномъ и песчанномъ берегу Каспія. О Скобелевѣ, разумѣется, заговорили. Чего, чего только не было. Больше всего кипятились «старые кавказцы».

— Это назначеніе обидно для насъ. Неужели среди «кавказцевъ» не нашлось ни одного генерала? — кричали одни.

— Да это выскочка. Корреспонденты его въ люди вывели! — кричали другіе.

— Его дѣла подъ Плевной выѣденнаго яйца не стоятъ. Мы не такихъ видѣли. Въ Чечнѣ, въ нагорномъ Дегестанѣ... — кричали третьи.

Наступилъ май. Седьмого числа былъ отданъ приказъ по гарнизону о встрѣчѣ Скобелева. День былъ жаркій. Войска съ ранняго утра чистились и убирали лагерь. Всюду виднѣлось оживленіе. Солдаты, въ особенности, были веселы: у нихъ традицій не было; о «бѣломъ генералѣ» же они всѣ слышали и свято вѣрили, что со Скобелевымъ отомстятъ текинцамъ за своихъ товарищей и братьевъ по оружію, павшихъ при неудачномъ штурмѣ Геокъ-Тепе 28-го августа 1879 г.

Въ одинадцать часовъ почетный караулъ, выставленный отъ саперной роты, какъ старшей части, выравнился близъ небольшого деревяннаго домика (единственнаго въ Чикишлярѣ)—квартиры командующаго войсками. Сюда сошлись и всѣ офицеры гарнизона. Я былъ назначенъ начальникомъ караула.

Около полудня пришелъ пароходъ, и полъ-часа спустя мы увидѣли героя Ловчи, Плевны и Шейнова.

Скобелевъ показался мнѣ тогда совсѣмъ не тѣмъ, какимъ я его видѣлъ въ первый разъ. Прежній фатоватый отпечатокъ—«мнѣ море по колѣно»—исчезъ. Теперь даже въ походкѣ—и въ той замѣчалась серьезность, положительность.

Принявъ рапортъ отъ начальника гарнизона, Скобелевъ подошелъ къ караулу и, поздоровавшись, высказалъ надежду, что саперы и тутъ покажутъ себя такими-же молодцами, какими онъ ихъ видѣлъ въ Туркестанѣ, подъ Плевой и на вершинахъ Балканъ.

Громкое и одушевленное «рады стараться» и громовое «ура» были отвѣтомъ саперъ.

Увидя на мнѣ знакъ отличія Военнаго ордена, Скобелевъ спросилъ:

— Вы гдѣ получили георгіевскій крестъ?

— На Дунаѣ, ваше превосходительство.

— За какое дѣло?

— За оборону минной станціи на островѣ Мечкѣ, 30-го ноября.

— А, это хорошее было дѣло.

Это былъ мой первый разговоръ со Скобелевымъ.

На слѣдующій день я былъ уже командированъ, съ его адъютантомъ Эрдели, въ Дузь-Олумъ для ревизіи интендантскаго продовольственнаго склада. Почему собственно выборъ генерала палъ на меня— не знаю, но мнѣ казалось, что въ этомъ случаѣ помогъ мнѣ серебряный крестикъ.

Съ приѣздомъ Скобелева начался трудный подготовительный періодъ. Все его вниманіе и забота были обращены на то, чтобы вполне обезпечить отрядъ въ матеріальномъ и продовольственномъ отношеніяхъ, что, по его мнѣнію, составляло чуть-ли не три четверти успѣха предстоявшаго похода въ оазисъ.

— Разъ нашъ солдатъ одѣтъ, обутъ и накормленъ, онъ вамъ чудеса сдѣлаетъ,—говорилъ Скобелевъ и поэтому первымъ дѣломъ взялся за интендантовъ. «Разносовъ» было много. Нѣкоторымъ предложили немедленно оставить отрядъ. Последняго не избѣгъ и самъ отрядный интендантъ, подвергшійся предварительно «встрепкѣ», какъ выражался самъ Скобелевъ.

Интендантовъ Скобелевъ вообще не долюбливалъ и потому всюду, гдѣ это только было возможно, онъ замѣнилъ ихъ офицерами частей войскъ.

Подготовительный періодъ экспедиціи былъ для Скобелева самымъ труднымъ. Устройство тыла, формированіе верблюжихъ транспортовъ и т. д. много испортили ему крови; но благодаря энергіи и высокой честности, онъ и тутъ вышелъ побѣдителемъ. Нужно было удивляться, съ какой быстротой и неутомимостью онъ работалъ. Мы чувствовали его всюду, хотя видѣли въ это время рѣдко. Онъ уѣзжалъ то въ Красноводскъ, то въ Чикишляръ, то въ Баку, то въ Астрахань. Конвоированіе транспортовъ въ нѣсколько тысячъ верблюдовъ, подъ палящими лучами солнца, при температурѣ отъ 40 до 50° жары, утомляло всѣхъ до невѣроятности. При одномъ словѣ «транспортъ» невольно приходилось содрагаться, такъ какъ конвоировавшія войска должны были и выучить и развьючивать верблюдовъ на привалахъ и ночлегахъ, а во время движенія—чуть не ежеминутно поднимать упавшіе тюки. Словомъ, это было своего рода мученіе, которое трудно описать, но которое никто не забудетъ, кому хоть разъ пришлось пройти съ верблюдами—этими «кораблями пустыни». Да, трудно было; а между тѣмъ всѣ работали съ радостью: ни одного ропота.

— Скобелевъ велѣлъ, такъ что тутъ разговаривать. Онъ самъ родимый работаетъ, какъ «буйла»,— говорили солдаты.

Къ саперамъ Скобелевъ первоначально благоволилъ, но, съ извѣстіемъ о смерти матери, мы сразу пали въ немилость. Все, что мы сдѣлаемъ, оказывалось сквернымъ. Выговоры сыпались, какъ градъ. Всѣ недоумѣвали: да въ чемъ-же дѣло, почему напасты?

— А мать кто убилъ?

— Узатись.

— Ну, вотъ, и разгадка. Узатись, вѣдь, былъ саперъ, кажется?

— Да мы-то тутъ при чемъ?

— Неужели Скобелевъ изъ-за Узатиса хочетъ выместить свою злобу на насъ?

Это какъ то не клеилось съ тѣмъ мнѣніемъ, которое мы всѣ имѣли о Скобелевѣ—героѣ и олицетворенной справедливости; а между тѣмъ на дѣлѣ выходило такъ. Только въ послѣдствіи, уже въ Геокъ-Тепе, мы снова заслужили благорасположеніе.

Смерть матери, дѣйствительно, поразила его. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ, и цѣлый день не выходилъ изъ своей палатки. Срочныхъ докладовъ—и тѣхъ

не принялъ. Затѣмъ онъ еще долго оставался мрачнымъ и раздраженнымъ. Каждая бездѣлица, разъ она только не вполне согласовалась съ его желаніями и воззрѣніями, вызывала теперь цѣлый потокъ выговоровъ и замѣчаній.

Никогда не забуду, какъ Скобелевъ «разнесъ» одну роту Самурскаго полка за то только, что одинъ изъ молодыхъ солдатиковъ растерялся, находясь на аванпостахъ.

Дѣло было такъ.

Однажды было получено извѣстіе, что текинцы намѣреваются сдѣлать нападеніе на Бами. Особеннаго значенія никто, разумѣется, не придалъ этому донесенію, такъ какъ уже и раньше получались подобнаго рода предостереженія. Тѣмъ не менѣе, съ наступленіемъ сумерекъ, когда дежурная часть (несчастливая Самурская рота) начала выставять посты, дежурному по карауламъ было приказано внушать людямъ, чтобы они были, какъ можно болѣе бдительными.

Наступила ночь. Тихая, южная. Изъ ущелья повѣяло прохладой. Гдѣ-то сверчки неутомимо затрещали... Гдѣ-то жалобно заныла «шакалка»... Но вотъ щелкнулъ выстрѣлъ... Второй, третій. Раздалась зловѣщая дробь барабана; ее подхватилъ горнисть...

— Живѣй! Живѣй къ ружью!

Тревога..!

— Что обалдѣлъ..! проснись. Тревога.

Проснувшійся лагерь засуетился. На одну минуту суматоха... Но вотъ опять все стихло. Замерло.

— Фальшивая?

— Должно, дурень какой нибудь спросонку выстрѣлилъ.

Тревога, однако, оказалась нефальшивой.

На одномъ посту, стоявшемъ около дороги, близь небольшого овражка, часовой услышалъ вдругъ шорохъ за своею спиной. Желая убѣдиться, въ чемъ дѣло, онъ повернулся и въ этотъ моментъ почувствовалъ два удара шашкою по рукѣ. Эта неожиданность такъ поразила молодого солдата, что онъ, вмѣсто того, чтобы броситься на непріятеля, крикнулъ: «караулъ! караулъ!» На этотъ зовъ остальные люди поста бросились ему на помощь и, увидя убѣгающаго халатника, дали по немъ нѣсколько выстрѣловъ.

Казалось-бы, что тутъ особенно преступнаго, что молодой солдатикъ струсиль, растерялся. Ну, сдѣлать ему выговоръ, посрамить передъ товарищами за трусость, да и баста.

Въ другое время Скобелевъ, вѣроятно, такъ и поступилъ бы. Подъ Плевною, по крайней мѣрѣ, онъ иначе не дѣлалъ.

— Солдатъ *можетъ* быть трусомъ; офицеру, ничѣмъ не командуящему, *самосохраненіе извинительно*; ну а отъ ротнаго командира и выше трусамъ *нѣтъ никакого оправданія*,—говорилъ Скобелевъ на Дунаѣ; но тутъ съ Самурцами поступилъ иначе.

Вызвавъ весь баталіонъ, онъ подозвалъ къ себѣ офицеровъ.

— Я крайне недоволенъ вами. Во всемъ виноваты вы. Въ части, гдѣ происходятъ подобныя вещи, царствуетъ малодушіе, чему виновенъ ротный командиръ, котораго я нахожу не способнымъ для командованія ротою, а потому и отставляю отъ этой обязанности...

Круто.

Ясно, что въ этомъ случаѣ Скобелевъ поступилъ подъ впечатлѣніемъ нервнаго раздраженія.

Измученный цѣлымъ рядомъ неурядицъ и открытыхъ имъ злоупотребленій по «усушкѣ» и «утечкѣ интендантской фабрикаціи», а также и по образованію верблюжихъ транспортовъ, онъ поневолѣ сдѣлался раздражительнымъ; а тутъ еще пререканія

— Нѣтъ. Приказалъ нарисовать бунты.

— Что ты!? Для чего?

— Приложить къ донесенію

— Какъ? Къ донесенію рисунки! ну, и фокусникъ! Чего только не выдумаетъ!

— Чѣмъ фокусникъ? Нисколько. Въ былое время фасады плановъ иначе и не изображались, какъ рисунками. Императоръ Николай Павловичъ терпѣть не могъ, если ему представляли фасады и профили безъ человѣческихъ фигурокъ и не оживленные рисункомъ. Да и понятно: фасадъ-рисунокъ, а не фасадъ-чертежъ, даетъ больше дѣйствительности. Легче понимается. Придаточныя фигурки и разные предметы даютъ, кромѣ того, возможность не прибѣгать ежеминутно къ масштабу.

Два дня употребилъ я на рисованіе, наконецъ, кончилъ—понесъ.

У ставки встрѣчаю дежурнаго офицера, хорунжаго Крылова.

— Доложи генералу.

— Подожди немного. «Дѣдъ» у него.

«Дѣдомъ» называли въ отрядѣ начальника артиллеріи, полковника Вержбицкаго, бывшаго раньше командиромъ 4-ой батареи 20 артиллерійской бригады. Скобелевъ очень любилъ старика, вѣроятно, потому,

что «дѣдъ» въ молодости былъ такой же сорви-голова, какъ и Скобелевъ.

По своему прошлому это была въ высшей степени интересная личность.

Вслѣдствіе участія въ какихъ-то польскихъ безпорядкахъ, «дѣдъ» былъ приведенъ на Кавказъ и затѣмъ сданъ солдатомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Здѣсь онъ дослужился до офицера и долго считался первымъ наѣздникомъ въ полку. Потомъ перешелъ въ артиллерію и за штурмъ Геокъ-Тепе получилъ Георгія 3-й степени и былъ произведенъ въ генераль-маіоры. Въ отрядѣ всѣ его любили. Старикъ былъ ворчливый, но добрый.

Но вотъ «дѣдъ» вышелъ, оглянулся, заморгаль и подошелъ ко мнѣ.

— Вы къ генералу?

— Да.

— Онъ васъ теперь не приметъ. Ему что-то нездоровится...

Крыловъ тѣмъ не менѣе доложилъ.

— Иди.

Я вошелъ въ кибитку. Духами пахнетъ до одурѣнія. Жара невозможная. Случалось, что съ адъютантами во время докладовъ дѣлалось дурно, до того была удушлива атмосфера. Впослѣдствіи я узналъ

причину, почему Скобелевъ такъ неимоверно душился, но умолчу. Могу только увѣрить, что это было не изъ фанфаронства.

Одѣтый, какъ говорится «съ иголочки», онъ сидѣлъ передъ столомъ, заваленнымъ всевозможными книгами, журналами, газетами, планами, бумагами. «Русь»—Аксакова лежала на самомъ видномъ мѣстѣ. Нѣкоторыя строчки текста были подчеркнуты краснымъ карандашомъ; на поляхъ отмѣтки. Это была любимая газета Скобелева.

— Здравствуйте! Что скажете?

— Рисунокъ принесъ.

— Отлично... Покажите.

Я развернулъ.

— Ну, видите, душенька, какъ хорошо. Тутъ и цыфрь не надо—само за себя говорить... Благодарю васъ...

.

Впослѣдствіи, уже въ Асхабадѣ, я сдѣлалъ по его приказанію еще три рисунка: взрывъ мины въ день штурма Геокъ-Тепе, преслѣдованіе непріятеля послѣ взятія крѣпости и штурмъ со стороны артиллерійской бреші. Съ послѣднимъ рисункомъ былъ маленькій инцидентъ.

Впереди, на первом планѣ, какъ это было и въ дѣйствительности, я изобразилъ самого Скобелева воодушевляющаго солдатъ.

— Ну, для чего-же вы меня нарисовали впереди,—напрасно. Нельзя-ли передѣлать.

— Слушаю-съ.

Передѣлалъ. Стеръ Скобелева.

— Очень живо, очень живо! Отлично схватили моментъ. Совершенно, какъ было въ дѣйствительности... Вотъ передъ этой группой я стоялъ. Знаете, я никогда не предполагалъ, что они такъ скоро очистить крѣпость... Очень хорошо. Какъ теперь помню,—я стоялъ тутъ...

— Прикажете оставить рисунокъ?

— Нѣтъ. Прибавьте тутъ нѣсколько нашихъ раненыхъ... Да, да—передъ этой группой я стоялъ...

Ясно, что Скобелевъ хотѣлъ, чтобы я его снова изобразилъ на рисункѣ; но крайней мѣрѣ, я тогда такъ понималъ.

Нарисовалъ. Убитыхъ и раненыхъ однако не прибавилъ.

— Теперь отлично... Но зачѣмъ же вы меня опять нарисовали?

Я молчалъ.

— Благодарю васъ, очень живо...

На этотъ разъ передѣлывать не пришлось... уга-
даль...

26-го ноября, въ день св. Георгія Побѣдоносца было назначено выступленіе первой колонны изъ Бами въ Геокъ-Тепе.

Еще царилъ сумракъ; но тамъ, далеко на востокъ, показалась уже свѣтленькая полосочка,—и вотъ, при дежурной части протрубили рожокъ, за нимъ гдѣ-то другой, третій... Во всѣхъ частяхъ подхватили... «Повѣстка» кончилась. Грохнулъ заревой выстрѣлъ и, какъ громъ, перекатился по ущелью. Затрубили «зори»... Звуки мѣшаются, ничего не разберешь... Но вотъ стройная и торжественная музыка. Хоръ Ширванскаго полка играетъ: «Коль славенъ» и «Боже, Царя храни»... Все зашевелилось. Лагерь проснулся.

Разсвѣло. Въ воздухѣ сырость... Моросить: не то дождь, не то снѣгъ. Копеть-дагъ окутало сѣрой облачной пеленой. Глинистый почвенный грунтъ размякъ... Ноги скользятъ...

Кажется спрятался-бы куда нибудь, самъ въ себя ушелъ. А между тѣмъ—нѣтъ, всѣ веселы. Шумъ, грохотъ, говоръ—все бурлитъ... Собираются въ походъ. Долго ждали этотъ день; наконецъ —дождались.

Въ 10 часовъ отсырѣвшіе барабаны какъ-то глухо, жалобно дребезжа, пробили: «на молитву».

— Шапки долой!—раздалась команда:

Начался молебенъ... Кончился. Окропили святой водой... Опять ударили барабаны—«отбой».

Пауза.

— Фу-ты! Какъ все это долго!

Вотъ генераль Петрусевичь что-то говорить, должно быть—поздравляетъ съ походомъ; но намъ не слышно. Раздалось «ура!» Саперы тоже подхватили...

Выѣхали разъѣзды. Потянулся авангардъ. Артиллерія загрохотала. Заковыляли верблюды... Вотъ—и вся колонна вытянулась. Впереди пѣсенники уже что-то затянули... сзади маршъ «добровольцевъ» гремитъ...

29-го ноября вечеромъ мы заняли Кишлакъ-Кялята. Здѣсь встрѣтилъ насъ Скобелевъ, прибывшій съ кавалеріей нѣсколькими часами раньше.

Выступивъ изъ Дузь-Олума, онъ сдѣлалъ форсированное обходное движеніе по долинѣ рѣчки Чандыръ, вдоль Копетъ-дага. Трудный былъ маршъ... Шли по гористой мѣстности и почти безъ дорогъ. Всѣ были утомлены, одинъ Скобелевъ нѣтъ. Весе-

лый, полный жизни, энергии... Ни одного слѣда утомленія—какъ-будто онъ отдохнулъ на походѣ. Болѣзнь, которая его мучила въ Баи, и та прошла.

На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, мы заняли Егѣнь-Батырь-Кала, названное потомъ «Самурскимъ». Отсюда съ восходомъ солнца мы увидѣли на горизонтѣ рельефно выдѣляющіеся силуэты Геокъ-Тепе.

Саперы были поставлены въ самомъ центрѣ общаго расположенія войскъ—въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ставки Скобелева. Это давало мнѣ возможность часто видѣть генерала и изучать его.

Внѣ поля сраженія онъ былъ въ высшей степени капризнымъ. Бывало прикажетъ что-нибудь, а затѣмъ черезъ часъ отмѣна; потомъ смотришь опять то-же приказаніе—и опять отмѣна.

Надъ лицами, близко къ нему стоящими, онъ любилъ подтрунивать и даже не стѣснялся выраженіями. Для чего опъ это дѣлалъ—Богъ вѣдаетъ, такъ какъ въ душѣ онъ былъ добрѣйшій чловѣкъ.

Когда приступили къ укрѣпленію Егѣнь-Батырь-Кала, Скобелевъ непосредственно руководилъ всѣми работами, при чемъ выказалъ поразительныя знанія сапернаго дѣла, даже чисто техническія. Это насъ не мало удивило, такъ какъ среди нашего «доблест-

наго, христолюбиваго воинства» очень, очень мало генераловъ, которые были бы мало мальски свѣдующими въ этомъ отношеніи. Скобелевъ же оказался чуть не профессоромъ.

Третьяго декабря укрѣпленія были окончены—и вечеромъ нѣкоторыя изъ частей отряда получили приказаніе приготовиться для рекогносцировки крѣпости.

Четвертаго, въ пять часовъ утра, 7 ротъ, 3 сотни казаковъ и 16 орудій выстроились передъ Самурскимъ.

Было еще темно. На небѣ мерцали звѣзды. Воздухъ чистый. Все предвѣщало хорошую погоду. По рядамъ солдатъ тихій, сдержанный говоръ...

— Смирно! На пле-чо!—раздалась команда.

Все смолкло. Звякнули ружья. Гдѣ-то ударились штыки... Манерка гдѣ-то зазвенѣла, должно быть—оторвалась... Но вотъ близко конскій топотъ—Скобелевъ подъѣзжаетъ... Витязь, да и только. Бѣлый конь играетъ, но въ поводу: чувствуетъ, должно быть, какого всадника несетъ. За Скобелевымъ адъютанты и ординарцы. Послѣдніе все молодежь-сорви-головы, а не «фазаны»... Куда хотите, въ огонь и въ воду пойдутъ. Скобелевъ только такихъ и бралъ. Немного дальше личный конвой изъ осетинъ, тоже молодцы на подборъ. Среди ихъ значекъ развивает-

ся—знаменитый значекъ. Онъ видѣлъ: Андижанъ, Махрамъ, Ловчу, Зеленые горы, Шейновскій бой, да чего онъ только не видѣлъ!

Обѣхавъ войска и поздоровавшись, генераль отдалъ приказаніе двинуться.

Перестроился маленькій отрядъ, всего въ 1040 штыковъ и 467 сабель, и потянулся черной ленточкой въ доль горъ къ Янги-Кала.

Скобелевъ подъѣзжаетъ то къ одной ротѣ, то къ другой.

— Попусту ребята не стрѣляйте. Береги патронъ. Слушайте всегда команду г.г. офицеровъ. Текинецъ храбрый, но драться не умѣетъ: онъ все въ разсыпную. А такимъ онъ для насъ не страшенъ. Вотъ, если начнетъ въ кучки собираться, такъ тутъ уже братцы не моргать, сейчасъ пали... Поняли?

— Такъ точно, ваше—ство!

— Гг. ротные командиры, совѣтую какъ можно зорче слѣдить за появленіемъ передовыхъ группъ, ибо несомнѣнно, что, съ уничтоженіемъ ихъ, будетъ въ корнѣ уничтожена вся сила инициативы оставшейся массы...

Подошли къ Янги-Кала. Все тихо. Вдругъ изъ крѣпости пушечный выстрѣлъ—сигналъ тревоги. Четверть часа спустя, началась перестрѣлка. Масса те-

кинцевъ все увеличивается. Ружейный огонь крѣпнеть. Скобелевъ впереди въ цѣпи—ѣдетъ тихо, точно на мирныхъ маневрахъ. Непріятно даже смотрѣть, такое хладнокровіе... А между тѣмъ, вонъ, понесли уже и раненыхъ оттуда. Вотъ—и надъ резервомъ уже засвистѣли поганья... Ззжи, ззжи—фьютъ! и нѣтъ ея.

Скачетъ ординарецъ Абадзіевъ. Остановился около 4-й батареи.

— Генералъ приказалъ открыть огонь по наступающей кавалеріи. Видите, вонъ по той...

— Батарея съ передковъ!... Шрапнелью... Первое! Грохнулъ выстрѣлъ. Граната загудѣла...

— Здорово sprysнуло. Ну-ка, еще. Второе!.. третье!..

Масса отхлынула. Отрядъ продвинулся дальше. Опять неистовая перестрѣлка. Опять массы текинцевъ группируются.

— Батарея на позицію!.. Первое!—Второе!—Первое, второе!..

Пошли катать... Земля даже дрожить. Но, вотъ, съемка кончилась. Топографъ Сафоновъ уже и карандашъ спряталъ... Отрядъ спустился въ лощинку. Впереди только пѣхотная и кавалерійская цѣпь. Скобелевъ на гребнѣ лощинки. Пули такъ и свищутъ... Нѣсколько осетинъ уже ранены.

— Господа спуститесь внизъ. Вы представляете только лишнюю цѣль.

Нѣсколько человѣкъ спустилось. Большинство осталось.

— Какъ спуститься? Скобелевъ стоитъ, а намъ и Богъ велѣлъ,—говорить поручикъ Чернякъ.—Пусть лучше меня убьютъ, чѣмъ его ранять.

— Господа саперы, вы изучили характеръ мѣстности и укрѣпленія?.. Обратите вниманіе на тѣ отдѣльные калы; ими нужно будетъ воспользо-ваться.

Скобелевъ уже въ этотъ моментъ предугадалъ значеніе этихъ построекъ. Впослѣдствіи, во время осады, эти калы дѣйствительно образовали сильную «Велико-Княжескую» позицію. Съ нея повели и мину.

Проѣхали дальше. Остановились... Какъ разъ противъ крѣпости. Разстояніе всего 600—700 сажень... Всѣмъ любопытно посмотрѣть, что-моль это за крѣпость. И вотъ изъ лоцинки поднимаются офицеры—одинъ, другой, нѣсколько.

Недалеко отъ Скобелева сталъ молоденькій прапорщикъ К. Апшеронскаго полка. Совсѣмъ юнецъ. Только что произведенный. Въ первый разъ нюхаетъ порохъ... Просвистѣла пуля. Прапорщикъ К. низко ей поклонился, даже присѣлъ. Скобелевъ это увидѣлъ.

— Кому вы это поклонились?

К. сконфузился.

— Стыдно, молодой человекъ. Стали офицеромъ и боитесь умирать. Какой же вы подадите примѣръ солдатамъ?..

К. молчитъ, вытянулся, держать руку подъ козырекъ. Глаза куда-то смотрять, но ничего не видятъ... А пули, какъ нарочно, такъ и свистятъ около. Вотъ одна шлепнула у самыхъ ногъ.

— Видите тамъ впереди небольшое возвышеніе? Потрудитесь, пожалуйста, сосчитать, сколько туда шаговъ...

К. поблѣднѣлъ, повернулся и быстро пошелъ въ указанномъ направленіи.

— Г-нъ прапорщикъ, постойте, постойте! Куда же это вы побѣжали? Вы собьетесь, а мнѣ нужно точно знать разстояніе.

К. вернулся. На лицѣ былъ отпечатокъ злобы. Незамѣтно онъ махнулъ рукой, должно быть—подумалъ: «была не была» и пошелъ медленно, шагъ за шагомъ. Даже останавливался и оглядывался назадъ, а противный свинецъ такъ и шлепается около. Пыль даже поднялась...

Черезъ нѣсколько минутъ К. возвратился.

— 342 шага, ваше превосходительство.

— Благодарю васъ. Ваша фамилія?

— Прапорщикъ К....въ.

Скобелевъ подалъ руку.

— Ну, теперь догоняйте свою роту.

Послѣ этого урока «Скобелевской боевой школы», К. уже не кланялся пулямъ и былъ всегда впереди.

Нѣсколько минутъ спустя, опять продвинулись впередъ.

Текинцы группируются, но далеко. Прямымъ, прицѣльнымъ выстрѣломъ не достанешь. Скобелевъ вызываетъ Ширванскій баталіонъ и приказываетъ дать нѣсколько навѣсныхъ залповъ.

— Цѣлитесь, ребята, поверхъ штыка,—объясняетъ Скобелевъ.—Ну, полковникъ Гогоберидзе, готовы вы? Командуйте.

— Баталіонъ, пли!

Стройный залпъ, за нимъ другой, третій. Несмотря на разстояніе, около 3000 шаговъ, непріятеля обдало какъ дождемъ.

— Смотрите, какой блестящій результатъ,—обращается Скобелевъ къ окружающимъ.—Въ недалекомъ будущемъ другой стрѣльбы и не будетъ. *Всѣ сраженія будемъ рѣшать сильнымъ навѣснымъ огнемъ и храбро маневрирующей кавалеріей.*

Если это пророчество сбудется, то Скобелевъ безспорно былъ величайшій военный геній нашего времени.

Въ пятомъ часу начали отступать стройно, въ порядкѣ, съ музыкой. Непріятель сразу не сообразилъ въ чемъ дѣло. Но вотъ начинаютъ насѣдать. Со всѣхъ сторонъ обскакали. Саперы въ арьергардѣ. Поминутно приходится останавливаться и сдерживать натискъ сосредоточенными учащенными залпами. Трескотня ужасная. Собственного голоса не слышно. Орудія то и дѣло снимаются съ передковъ. Отрядъ какъ будто въ облакахъ—весь затянуло дымомъ.

Легли сумерки. Текинцы еще смѣлѣе... къ самой цѣни подскакиваютъ, а Скобелевъ тамъ. Страшно даже за него: а вдругъ шальная... Но вотъ наступила ночь. Луна показалась. Красная, какъ будто и ее обдало кровью. Все приняло какой-то таинственный видъ. Тѣни длинныя, фигуры неясныя—одни штыки блестятъ, да огненные языки изъ дула орудій... Наконецъ, непріятель началъ отставать. Выстрѣлы рѣже... совсѣмъ смолкли, только музыка гремитъ.

Въ девятомъ часу подошли къ Самурскому.

15-го декабря прибылъ въ Самурское Туркестанскій отрядъ подъ начальствомъ полковника А. Н. Куропаткина (нынѣ генераль-лейтенантъ).

Этотъ отрядъ былъ сформированъ въ Петро-Александровскѣ, на Аму-Дарѣ, откуда черезъ Хиву двинулся песками къ Узбою, по пути, на которомъ погибъ отрядъ полковника Маркозова. Затѣмъ спустился по Узбою до колодцевъ Игды, откуда прямо песками Кара-Кумъ прошелъ въ Бами.

Въ 22 дня было пройдено 673 версты по невѣдомой, почти безводной пустынѣ. Подвигъ... И подвигъ замѣчательный. Только русскій солдатъ способенъ на это.

Много говорили въ этотъ день о туркестанцахъ. Скобелева и Куропаткина тоже не забыли.

— Скобелевъ видно и тутъ безъ Куропаткина не можетъ обойтись... Изъ Кульджи выписалъ.

— Да, страненъ этотъ приходъ. Какъ подкрѣпленіе нашего отряда, онъ смысла не имѣетъ. Ну, что такое 3 роты и 2 сотни?

— Ну, все таки, при нашей малочисленности и это что нибудь да стоитъ.

— Положимъ. Но для этого незачѣмъ было прибѣгать къ Туркестанскимъ войскамъ, слава Тебѣ Господи, на Кавказѣ нашлось бы не три роты.

— Да о подкрѣпленіи тутъ, кажется, не можетъ быть и рѣчи. Скобелевъ просто хотѣлъ имѣть при себѣ своего бывшего начальника штаба. Но вызвать его такъ безъ предлога, нельзя; ну, вотъ, Скобелевъ и Кауфманъ и выдумали экспедицію для изслѣдованія якобы Кара-Кума и путей въ Хиву.

— А, знаете, вы, пожалуй, правы.

— Куропаткинъ, вѣдь, это правая рука Скобелева. Безъ него, пожалуй, и Скобелевъ не былъ-бы такимъ героемъ полководцемъ. Всѣ диспозиціи: на Зеленыхъ горахъ, подъ Ловчею, подъ Шейновымъ составлялъ Куропаткинъ. Скобелевъ былъ только храбрымъ исполнителемъ этихъ плановъ.

— Однако, позвольте. Храбрымъ исполнителемъ— а это развѣ мало? Храбрый генераль, идущій во главѣ своего отряда, появляющійся тамъ, гдѣ начинаютъ колебаться, воодушевляющій солдата своимъ примѣромъ—да это главное въ нашемъ дѣлѣ. Въ большинствѣ случаевъ это только и нужно... Планъ сраженія и диспозицію составить вамъ любой офицеръ генеральнаго штаба, а вотъ выполнить этотъ планъ, найтись въ ту минуту, когда явится неожиданность, не предусмотрѣнная въ планѣ, вотъ гдѣ нужна сметка и геній. А Скобелевъ именно и обладаетъ этой сметкой, онъ не потеряется. Безъ энергичнаго, рѣшитель-

наго, но строго послѣдовательнаго Куропаткина, Скобелевъ только не развернулся-бы съ такою мощью и такъ скоро.

— Слѣдовательно, вы не оспариваете, что Куропаткинъ много содѣйствовалъ славѣ Скобелева?

— Нѣтъ.

Впослѣдствіи, подъ стѣнами Геокъ-Тепе, я увидѣлъ, что Скобелевъ дѣйствительно обладалъ какой-то особенной военной сметкою и умѣлъ свою рѣшимость и храбрость какъ-то внушать и передавать окружающимъ.

Въ бою онъ былъ незамѣнимымъ предводителемъ. Орелъ—все видитъ. Не только солдатъ, но и офицеръ воспламенялся отвагой при одномъ его молодецкомъ видѣ.

Кромѣ этого, Скобелевъ обладалъ особеннымъ даромъ сразу схватывать индивидуальность каждаго лица, а потому зналъ, когда кого нужно подтолкнуть, а кого придержать, кому поручить такое дѣло, кому другое.

Что же касается вліянія генерала Куропаткина на Скобелева, то такое безспорно существовало. Скобелевъ высоко цѣнилъ знаніе и опытность этого офицера и подъ Геокъ-Тепе, по крайней мѣрѣ, почти ничего не предпринималъ, не посоветовавшись съ

нимъ. Со стороны Скобелева это вліяніе воплощалось даже въ какую-то страстную симпатію, вызывавшую подчасъ неправильное предубѣжденіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, съ открытіемъ осадныхъ работъ, когда отрядъ раздѣлился на правый и лѣвый фланги атаки, Скобелевъ гораздо чаще являлся на правый флангъ, нежели на лѣвый. Гораздо чаще благодарилъ правый флангъ, а не лѣвый. Выговоры-же дѣлалъ только лѣвому. Работы между тѣмъ шли одинаково успѣшно и одинаково хорошо. Почему же различіе?

— Да какъ это вы не раскусили. На правомъ флангѣ командуешь полковникъ Куропаткинъ, а на лѣвомъ полковникъ Козелковъ.

— !!..

Мнѣніе другихъ Скобелевъ вообще очень цѣнилъ.

Еще въ Самурскомъ онъ пришелъ однажды въ кибитку начальника инженеровъ, полковника Рудковского, и приказалъ позвать туда всѣхъ саперныхъ офицеровъ.

Минуть черезъ пять мы собрались.

— Господа, намъ нужно обсудить наши будущія дѣйствія. Численность и средства наши вамъ извѣстны. Характеръ противника также, слѣдовательно, мы должны приготовиться къ двумъ видамъ атаки, т. е. или повторить *en petit* Суворовскую атаку Измаила, или атаку Сарагоссы въ 1808 и 1809 гг.

Мы по очереди высказали свои взгляды. Скобелевъ выслушалъ и, въ концѣ концовъ, прочелъ намъ цѣлую лекцію по исторіи обороны и атаки крѣпостей. Но какую лекцію—прелесть: Вобана, Кегорна, Римплера, Ландсберга, Кармонтана, Бусмара, Карно, Шасслу—словомъ, всѣхъ вспомнилъ, всѣхъ свѣтилъ инженернаго искусства.

Знаній у этого человѣка была масса. Видно было, что онъ по каждой отрасли военного дѣла прочелъ цѣлыя библіотеки.

А память! Это было что-то необычайное.

Трудно сказать, чего въ этомъ человѣкѣ было больше: ума или знаній.

У меня сохранилась небольшая собственноручная записочка Скобелева, которая очень рельефно обрисовываетъ его. Вотъ ея содержаніе:

«Начальнику лѣвофланговой атаки.

«Полковнику Козелкову.

«Вопросъ. Выгодно-ли намъ продвинуть весь лагерь ближе къ 1 параллели. Почему да? Почему нѣтъ?

Г. Ад. Скобелевъ.

«Отвѣтъ завтра въ штабъ къ 2 ч. дня».

Коротко, ясно, точно. Такимъ онъ былъ и самъ.

Трусовъ Скобелевъ не выносилъ. А такихъ, которые своею трусостью приносили вредъ, въ особенности въ важныя минуты боя, тѣхъ онъ каралъ немилосердно.

30-го декабря въ полночь текинцы сдѣлали вылазку.

Темень была непроглядная, хотъ глазъ выколи.

Тишина нарушалась только жалобнымъ визгомъ мортирныхъ бомбъ. Но вотъ, вдругъ, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ первой параллели заблестѣли огоньки... Та, та, та, та... рѣзко затрещали ружейные выстрѣлы. Еще мгновеніе, раздались залпы. Орудія тоже заговорили... Крикъ, гулъ, трескъ.

— Опять нападеніе. Да что это имъ проклятымъ не сидится.

— Кажется, на Ставропольскій плацъ-дармъ нападаютъ?

— А тамъ сегодня кто?

— Да несчастные Закаспійцы. Вторая и третья роты...

Эти двѣ роты, Закаспійскаго мѣстнаго баталіона, которыя мы называли «аборигенами», дѣйствительно были несчастными въ эту ночь. Вся главная масса текинцевъ обрушилась на нихъ.

Третья рота, занимавшая редутъ, встрѣтила противника задпами, штыкомъ и прикладомъ. Но сила соломѣ ломить, ее вытѣснили. Нѣтъ не вытѣснили, а стерли. Три четверти роты легло. Командиръ, поручикъ Яновскій, въ числѣ первыхъ.

Подойди во время вторая рота, находившаяся всего въ 100—150 шагахъ, катастрофы, можетъ быть, не было-бы; но командиръ ея струсиль. Это отразилось на субалтернѣ и солдатахъ. Импульса не было, все замерло... и честь, и долгъ. А тутъ еще крики, душу раздирающіе, крики умирающихъ, неистовый вой нападающихъ, страхъ совсѣмъ обуялъ. Рота, вмѣсто того, чтобы подать помощь, отступила.

Позоръ.

Ну и досталось-же ей отъ Скобелева.

Командиръ немедленно былъ отрѣшенъ отъ должности и отданъ подъ судъ. Чѣмъ кончилось дѣло, не знаю. Слышалъ только, что жена этого офицера, жившая въ Красноводскѣ, не пожелала больше видѣть своего мужа труса... *Tableau de divorce*.

— А вы, прапорщикъ Морицъ (субалтернъ), въ день штурма поведете охотниковъ. Свой позоръ вы можете смыть только бѣлымъ крестомъ, или деревяннымъ. Поняли?

Двѣнадцать дней спустя, прапорщикъ Морицъ во главѣ охотниковъ бросился на обвалъ. Онъ бѣжалъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Я его все время видѣлъ. Блѣдный, глаза на выкатѣ, безъ всякаго выраженія, какъ оловянные. Ротъ открытъ, кричитъ «ура». Еще два, три прыжка и онъ на обвалѣ... Но тутъ его встрѣтили Парка и Немезида: «Стой!..» Онъ зашатался и упалъ навзничъ, почти у моихъ ногъ. Пуля пробила сердце—смерть была моментальная. Глаза и ротъ какъ были открыты, такъ и остались... Я перекрестился. Смыслъ... Мертвые сраму не имуть. Да помянетъ тебя Господь во царствіи Своемъ...

Солдатамъ тоже досталось не меньше, чѣмъ офицерамъ; нѣтъ, даже больше. Скобелевъ приказалъ ихъ одѣть въ полушубки мѣхомъ вверхъ, на позоръ всему отряду.

— Ишь, проклятые козодавы, трусили. Своихъ не выручили. Ну, и лизать вамъ сковороды на томъ свѣтѣ...

— Куда прешь, анафема, козодавъ, хромоногій верблюдь. Давича лататы, а теперь.... Пошелъ вонъ!..

— Да помилосердствуйте, братцы!—взмолится иной разъ «аборигенъ»; но его и слушать не хотятъ. Потокъ ругательствъ и насмѣшекъ еще больше. Только

русскій мужицкій умъ способенъ вымыслить подобныя выраженія. Страшно издѣвались надъ несчастными. Проходу имъ не было. Большинство плакало, не втерпѣвъ уже было.

Суевѣріе едва-ли не самый неотвязчивый врагъ человѣческаго ума и счастья. Самые свѣтлые умы заплатили въ этомъ отношеніи дань вѣку.

Знаменитый Бэль, послѣдователь философіи Бакона Веруламскаго, вѣрилъ въ привидѣнія и боялся пятницы; безсмертный Ньютонъ подъ конецъ своей жизни занимался странными толкованіями; Жанъ-Жакъ-Руссо боялся числа 13; Волней вѣрилъ въ сны; Наполеонъ I смущался предсказаніями госпожи Ленорманъ... Всѣхъ и не перечесть.

Витязь Скобелевъ тоже былъ очень суевѣренъ. Онъ боялся пятницы и очень любилъ 28 число.

— Хорошее число, побѣдное. 28-го октября мы заняли Зеленые горы, 28-го ноября пала Плевна, 28-го декабря разбили Вейсиль-пашу подъ Шейновымъ.

Въ бой онъ тоже иначе не выѣзжалъ, какъ на бѣломъ конѣ,—тоже изъ суевѣрія: Георгіевскій конь—побѣдоносный.

Вслѣдствіе суевѣрія Скобелевъ очень любилъ предсказанія.

Никогда не забуду слѣдующаго Скобелевскаго предсказанія, высказаннаго лично мнѣ.

Это было въ Асхабадѣ въ первыхъ числахъ марта. Лежу въ кибиткѣ. Почти въ полномъ *déshabillé*— жарко было. Вдругъ вижу—Скобелевъ идетъ. За нимъ адъютантъ и ординарецъ, кто именно—не помню, и начальникъ штаба, генераль Гродековъ.

— Вѣроятно, лагерь осматриваютъ,—подумаль я и снова разстянулся на койкѣ.

Но черезъ нѣсколько мгновеній я услышалъ голосъ Скобелева близъ кибитки.

— Подпоручикъ... вы тутъ?

— Да, ваше высокопревосходительство!

— Пожалуйста сюда.

— Сю секунду.

Я началъ наскоро одѣваться.

— Да вы не прихорашивайтесь. Выходите— въ чемъ есть.

Я накинулъ пальто и вышелъ.

— Поздравляю васъ отъ имени Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго. Я только что получилъ телеграмму: Его Императорское Величество Государь Императоръ пожаловалъ вамъ Георгъ

гіевскій крестъ... Но я васъ не поздравляю: отнынѣ вы кандидатъ въ будущую войну быть убитымъ...

Я опѣшилъ. Какъ обухомъ по головѣ... Сразу не нашелся даже что и отвѣтить.

— Впрочемъ, не унывайте; служите, какъ начали. Позвольте надѣть крестъ...

Окружающіе офицеры начали меня поздравлять.

— А поручикъ Чернякъ гдѣ?

— Въ слѣдующей кибиткѣ.

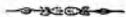
— Ну, благодарю васъ за службу и за труды...

Скобелевъ подаль мнѣ руку и крѣпко пожалъ.

Поручику Черняку тоже былъ пожалованъ Георгіевскій крестъ; но, надѣвая его, Скобелевъ ему ничего не сказалъ, кромѣ поздравленія. Отчего-же онъ мнѣ отравилъ праздникъ; неужели ясновидящій, неужели предсказаніе сбудется?

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а нѣтъ, нѣтъ и вспомнишь предсказаніе.

Мѣсяцъ спустя я выѣхалъ изъ Асхабада—и Скобелева больше уже не видѣлъ. Черезъ годъ я узналъ страшную вѣсть: «Скобелевъ умеръ».

ЗА ДУНАЕМЪ.

ЗА ДУНАЕМЪ.

Второго декабря выпалъ снѣгъ. Размытые предварительными дождями поля, холмы и овраги покрылись бѣлою пеленою и какъ будто похорошѣли. Дунай же сталъ еще болѣе мрачнымъ. Его грязныя и мутныя воды текли теперь какъ будто вдвое медленнѣе и казались черными между берегами, покрытыми снѣгомъ. Деревня совсѣмъ утонула въ снѣгахъ. Низкія румынскія хатки мѣстами были завалены вплоть до крыши. Люди всѣ куда-то попрятались; стало какъ-то тихо, мертво. Даже собаки—и тѣ меньше лаяли. Разговаривая, всѣ будто сдерживали свой голосъ, боясь нарушить спокойствіе окружающей природы.

Никогда, кажется, не забуду этихъ дней. Ко всему чувствовалась какая-то апатія. Организмомъ овладѣвала неестественная, болѣзненная лѣнь. Ничего не хотѣлось дѣлать. Про турокъ и болгаръ нротивно было слушать; подвиги нашихъ войскъ за Дунаемъ насъ не интересовали. Бездѣятельная и монотонная жизнь въ тылу все засосала.

Мины были забыты, а съ ними и мы. Центр тяжести перевалилъ далеко впередъ; мы остались въ хвостѣ.

Я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе падалъ духомъ и чувствовалъ, что, если скоро не вырвусь изъ тыла, то непременно заболѣю. Но вотъ, какъ по волшебству, картина перемѣнилась.

Было уже за полночь. Я и поручикъ З. съ которымъ я жилъ. собирались лечь спать. Вдругъ у нашего подѣзда остановился какой-то верховой. Мы стали прислушиваться... Постучали въ дверь... Черезъ нѣсколько минутъ въ нашу комнату вошелъ деньщикъ.

— Телеграмма вашему благородію.

Сердце забилося; въ головѣ промелькнула мысль: быть можетъ приказаніе выступить за Дунай.

— Ну, поздравляю васъ,—обратился ко мнѣ поручикъ З.,—вамъ приказано, по распоряженію Его Высочества Главнокомандующаго, немедленно отправиться за Дунай и присоединиться къ баталіону. Завидую вамъ

— Что вы? Не можетъ быть?!

— Не вѣрите? Прочтите сами.

Я Взялъ телеграмму и не вѣрилъ своимъ глазамъ. Радость охватила меня, какъ ребенка. Мнѣ хотѣлось и плакать, и смѣяться. Чувство это, впрочемъ, дли-

лось не долго. Мысль, что предстоит догонять батальонъ, который въ то время находился уже у Балканъ, да при томъ одному и по «по образу пѣшаго хожденія», съ ружьемъ и ранцемъ за плечами, сразу оборвала мою радость. Медлить, однако, было нечего, и потому на другой же день, рано утромъ, я попрощался съ З. и двинулся въ походъ—solo.

День былъ ясный, морозный. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Дышалось легко.

Сначала я пошелъ шибко, хотѣлось испытать свои силы,—но, увы! Ранецъ съ непривычки давилъ и спину, и грудь. Тутъ я въ первый разъ самъ на себѣ испыталъ всю непрактичность и неудобство пригонки солдатской аммуниціи и невольно ужаснулся при мысли, что мнѣ предстоитъ понтировать со всѣми этими снарядами пытки до самыхъ Балканъ, а, быть можетъ, и еще дальше.

При всемъ желаніи дойти въ этотъ день до Зимницы, я только къ вечеру кое-какъ добрелъ до Петрушанъ, т. е. сдѣлалъ переходъ не болѣе какъ въ двадцать пять верстъ.

Переночевавъ на какомъ-то постояломъ дворѣ, который, впрочемъ, носилъ громкое названіе. «Гостиница Москва» и считался лучшимъ въ селѣ, я на другой день, весь искусанный, двинулся дальше.

Эту гостиницу я потомъ долго не могъ забыть и все ломалъ себѣ голову, отъ какого слова происходитъ собственно «гостиница»: отъ hospes—гость, или отъ hostis—врагъ.

Вотъ промелькнули послѣдніе дома, потянулись длинныя, полуразвалившіяся изгороди, еще нѣсколько шаговъ—и село скрылось за холмомъ.

Передо мной растилалась теперь безпредѣльная снѣжная равнина. По дорогѣ не замѣчалось ни одной живой души. Пройдя деревни Бажоръ и Скаешти, я къ вечеру пришелъ въ Зимницу и прямо направился къ переправѣ; но на мое несчастье мостъ былъ разведенъ по случаю сильнаго ледохода. Возвращаться въ городъ не хотѣлось—далеко, и я снова зашагалъ, направляясь къ нашей минной станціи.

Штабсъ-капитанъ Г., начальникъ станціи, встрѣтилъ меня очень радушно,—и мы проболтали съ нимъ до глубокой ночи.

На третій день ледоходъ прекратился. Я переправился въ Систово. Передо мной была Болгарія и дальній путь къ Балканамъ. Но какъ начать его, куда идти? Къ Балканамъ, къ Орханіи? Легко сказать—къ Балканамъ! Не зная ни дорогъ, ни языка, и притомъ одному—я просто терялся и не зналъ, что дѣлать.

— Пойду къ коменданту, можетъ быть—онъ что нибудь посовѣтуетъ.

Пошелъ. Долго искалъ; наконецъ, нашелъ.

— Что нужно? — спросилъ комендантъ, старый сѣдой полковникъ, типа Николаевскихъ временъ.

Я рассказалъ.

— Такъ вамъ въ баталіонъ? Какъ-же быть? Одному идти, дѣйствительно, неудобно, да и не безопасно. Не хотите ли присоединиться къ командѣ, которую я сегодня отправляю?

Я согласился.

Около двухъ часовъ пополудня мы выступили изъ Систова. До Парадима прошли безъ приключеній. На всѣхъ этапныхъ пунктахъ мы находили, уже заранѣе приготовленную, горячую пищу и помѣщеніе для ночлега. Отъ Парадима же началось скитаніе и продовольствіе «что Богъ пошлетъ».

Не получивъ никакихъ точныхъ указаній, мы были отправлены черезъ Баготъ въ Ральево.

— Гдѣ Ральево, вы узнаете въ Баготѣ,—сказалъ комендантъ,—а теперь съ Богомъ.

Пошли. Приходимъ въ Баготъ. Спрашиваемъ, одного, другого, третьяго.

— Гдѣ тутъ дорога на Ральево?

— А шутъ ее вѣдаетъ! Кажись—сюда.

— Де ты, видно, самъ дороги не знаешь?

— Какъ не знать, наши ходили.

— А ты-то самъ ходилъ?

— Я-то? Я? Нѣтъ, не ходилъ...

— Эй, родимый!—обращаемся къ другому солдату въ прорванной шинели и въ кепи безъ козырька.

— Чаво вамъ, братцы?

— Да гдѣ тутъ дорога на Ральево?

— На Ралево?

Солдатики посмотрѣль въ разныя стороны.

— Хоша по этой, хоша по той идите—все едино.

— А по какой ближе будетъ?

— По энтой, кажись, ближе. По энтой наши за дровами ѣздятъ.

Спросили еще двухъ, трехъ; все—неточныя указанія. Обратились къ проѣзжавшему мимо офицеру, но тотъ, оказалось, о Ральево никогда и не слыхалъ.

— Кажется сюда; впрочемъ, не знаю.

Ѣдетъ казакъ. Лошаденка маленькая, тощая, взъерошенная. Самъ длинный, ноги чуть по землѣ не волочатся.

— Вонъ Гаврилычъ ѣдетъ. Этотъ, должно-быть, знаетъ.

— Эй, любезный!

Донецъ остановился.

— Що треба?

Мы сказали.

— Въ Ралево? Во це буде путь.

— Да ты може врешь?

— Ей-бо... Нашто брехать, самъ булъ.

— Ну, спасибо.

Казакъ стегнулъ лошаденку и помчался дальше.

Мы пошли.

Стало вечерѣть... Дороги почти не видно, а Ральево все нѣтъ, да нѣтъ.

— Ей, ей, не могу, братцы!

— Охъ, силушки нѣтъ! Совсѣмъ ноги подвело.

— Эй! черти! Что прете! Подожди маленько,— вишь, отстали.

Команда растянулась чуть не на версту.

Больно было смотрѣть на несчастныхъ солдатиковъ. Большинство были только что выпущенные изъ госпиталей и еле двигали членами.

Вѣтеръ завываль, поднимая снѣжную пыль. Морозъ усиливался. Я долго подбадриваль солдатъ, но, наконецъ, и самъ почувствовалъ, что силы мнѣ измѣняются. О Ральево никто уже не думаль. Всѣ ждали встрѣтить хоть какой-нибудь кустарникъ, который могъ бы защитить насъ отъ пронзительнаго вѣтра; но и этотъ не попадался по глухой дорогѣ. Вдругъ откуда-то донесся лай собакъ.

— Должно быть—деревня, ну, слава Тебѣ, Господи!

— Псы лаютъ, значить—деревня...

Лай собакъ, между тѣмъ, то умолкалъ, то снова раздавался. Всѣ прибодрились; но, по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, лай какъ будто удалялся.

— Кажись, прошли. Тамъ что-то чернѣло въ долѣ.

— Кой чертъ чернѣло! Кусты были, дубнякъ.

— Моченьки нѣтъ. Ей, ей околѣю...

Никогда не забуду этой мучительной ночи. Мы шли, но куда—Богъ вѣдаетъ. Я совершенно изнемогалъ и уже рѣшался прямо остановиться въ полѣ и переждать до разсвѣта, но въ это время изъ мглы донеслись до насъ слова: «деревня, деревня!» Всѣ бросились, чуть не бѣгомъ, догонять шедшихъ впереди. Откуда и силы взялись! Это былъ моментъ, въ который, вѣроятно, у всѣхъ пробѣжала мысль: «мы спасены».

По прошествіи десяти минутъ мы вошли въ деревню.

Тишина. Все спитъ. Тьма сдѣлалась какъ-будто еще гуще. Только въ небесахъ робкія, блѣдныя звѣзды мерцаютъ, но отъ нихъ никакого толку нѣтъ—въ глазахъ лишь рябитъ... Все равно ничего не видно... Темень... Какія-то пятна въ ней—должно быть, очертанія домовъ.

— Братцы, по квартирамъ нужно самимъ размѣщаться. Чорбаджію *) теперь и съ собаками не сыщешь,—сказалъ я.

— Да, разумѣется, самимъ.

— Смотрите только, не расходитесь далеко.

Команда разбрелась. Начали стучаться. Гдѣ отворили, а гдѣ и нѣтъ.

— Ишь, чертовы дѣти! За нихъ кровь проливаютъ, за нихъ чуть на дорогѣ не околѣли, а они не пушаютъ... Отопри! Всю хату сверну!.. Отопри!..

Потокъ ругани съ «трехъ-этажными выраженіями», стукъ прикладами... Гдѣ-то трескъ и неистовый женскій вопль... Собаки вторятъ... Но вотъ все смолкло.

— Должно быть, размѣстились?—сказалъ я моему спутнику, добродушному, рослому дѣтинѣ, солдату Преображенскаго полка, который, начиная отъ Систова, ухаживалъ за мною, какъ за сыномъ.

— Да вы, баринъ, не безпокойтесь, найдутъ мѣсто. Вошли въ хату.

Уставъ и промерзнувъ до мозга костей, мы, разумѣется, первымъ долгомъ бросились къ огню. Никакія роскошно-отдѣланные гостиныя и будуары не производили на меня такого живительнаго и радостнаго ощущенія, какъ эта простая, теплая хата.

*) Сельскій староста.

Немного отогрѣвшись, мы попросили у нашего гостепріимнаго хозяина чего нибудь поѣсть. Онъ молча кивнулъ головой и потомъ что-то пробормоталъ своей «дрожащей половинѣ». Болгарка нехотя встала и пошла шарить въ темномъ углу. Нѣсколько минутъ спустя, передъ нами очутились: какая-то похлебка изъ фасоли, маленькія вяленыя рыбки, похожія на нашу корюшку, или ряпушку, вареная баранина, кислая кочанная капуста, напомнившая мнѣ родную Русь и, наконецъ, двѣ добрыхъ крынки *ракиницы* и *винца* ¹⁾.

— Молодецъ, братушка, молодецъ! Какъ изъ дому ушелъ, ни разу такъ не ѣлъ, — сказалъ Оадѣевъ (такъ звали Преображенца).

— Добре, добре! Кушай, братушка. Винца харна. На друга сѣла нема така винца.

Разговорились. Я спросилъ о туркахъ. Оказалось, что въ селѣ ихъ было очень мало и что *турче аскеръ* ²⁾ появлялись рѣдко.

— А село ваше, братушка, какъ зовуть? — спросилъ я.

— Тука село?

— Да, да.

¹⁾ водка и вино.

²⁾ Турецкіе солдаты.

— Пердилово. *Гульмо* ³⁾ село. *Якши* ⁴⁾ село.

— А Ральево далеко отсюда?

— Далко, далко!—болгаринъ махнулъ рукой.

— Сколько часовъ туда?

— Восмина сатъ има.

— Восемь часовъ—40 верстъ. Вотъ крюку-то дали. Да это мы, баринъ, и завтра не дойдемъ,—сказалъ удивленный Оадѣвъ.

— Если 40 верстъ, то, разумѣется, не дойдемъ. Да братушка, можетъ быть, вретъ.

— Це!—чмокнулъ болгаринъ и замоталъ отрицательно головою.

— Врешь?

— Це! Іокъ ⁵⁾.

— Вотъ-те и Ралево!—Оадѣвъ свиснулъ и сдѣлалъ какой-то многозначительный жестъ.—Шли, шли, да вмѣсто Ралева попали въ Пердилово.

На слѣдующій день мы выступили часовъ въ 10 и, во избѣжаніе блужденій по неизвѣстнымъ дорогамъ, взяли съ собою проводника; впрочемъ, нѣтъ, не «взяли», а «довольно энергично» заставили одного

³⁾ большое

⁴⁾ хорошее (по турецки).

⁵⁾ Нѣтъ,—собственно турецкое выраженіе, но употребляется и болгарями.

братушку идти впереди нашего грозного отряда, въ 48 человекъ, и указывать дорогу.

Еще до заката солнца мы вошли въ Ральево.

Все тихо. Деревня на половину разрушена—или, вѣрнѣе, разобрана нашими войсками на дрова. По улицамъ бѣгаютъ голодные собаки и неистово воютъ... Ни души... Идемъ дальше—на встрѣчу четыре донца.

— Гдѣ тутъ комендантъ?

— Якій комендантъ?

— Этапный.

— Этапны?.. Не знаемъ. Николи не бачили.

-- Да вы-то тутъ что дѣлаете?

— По фуражъ посланы.

Въ далекѣ видимъ нѣсколько солдатиковъ. Подошли къ нимъ.

— Гдѣ здѣсь, братцы, этапный комендантъ?

— Да онъ уже давно переѣхалъ въ Горный-Дубнякъ. Тутъ никого нѣтъ.

— Вотъ-те на! Значить, въ Дубнякъ идти. Эхъ, ты, дьявольщина какая. Ну, ужъ, ни дна имъ, ни покрышки. Послали въ Ралево, а тутъ ни собачьяго сына... Ну, и порядки!

— Куда же таперича идти?

— Да, знамо дѣло, въ Дубнякъ.

— А если и тамъ нѣтъ коменданта?

— И то правда.

— Намъ на Плевну идтить нужно. Отсель, должно, не далеко, а тамъ, комендантъ безпремѣнно долженъ быть...

Рѣшили идти на Плевну.

— Ну, и порядки! Теперь, куда хочешь, иди. Хоша къ туркѣ, хоша домой.

— А что, если къ примѣру, да и взаправду—домой?

— Да что,—ничего. Не дойдить только...

Дѣйствительно, брошенные на собственный произволь, мы могли отправиться—куда вздумается. Меня до глубины души возмущало все это мыканіе безъ толку. Чтобы изъ Булгарени послать насъ въ Плевну—прямой путь, а теперь не угодно-ли возвращаться обратно...

На слѣдующій день мы пошли по дорогѣ черезъ Каракію и Брестовецъ къ Плевнѣ.

Подойдя къ Брестовцу, я увидѣлъ знаменитую позицію 16-ой дивизіи Скобелева.

Вотъ—Рыжая гора. Вонъ—Кришинскіе редуты... Батарея, другая... Траншея. Рядъ ложементовъ... Какая-то землянка, быть можетъ—самого Скобелева. Вотъ—нѣсколько могилъ... Боже, сколько крови тутъ пролилось! Я невольно остановился, чтобы взглянуть

на эти мѣста, гдѣ еще такъ недавно разыгрывались кровавыя драмы и передъ моими глазами совершенно ясно, какъ-бы въ дѣйствительности, представился бой, бой за редуты...

Скобелевъ впереди; за нимъ Суздальцы и Казанцы, славныя полки... Гора дрогнула—бѣшенный залпъ. Вотъ—пробѣжали лощину.. опять залпъ—и перебѣгающая трескотня выстрѣловъ... Грохнуло орудіе—другое, третье. Изъ дальнихъ редутовъ тоже что-то несется—лопнуло наверху... Раздался какой-то свистъ. Но вотъ—все затянуло дымомъ. Редута не видно—его только слышно. Вотъ вспыхнуло «ура», перекапилось и замерло. Барабаны кровожадно грохочутъ... «Впередъ! Впередъ!—Редуть не далеко!» слышится голосъ Скобелева. «За мной, ребята! Сюда! Сюда!...» Но залпы чаще. Картечь свистить... Вотъ вѣтромъ пронесло дымъ—вонъ онъ, редуть! Вонъ... Опять залпъ... Опять ничего не видно. По склону лощины лѣзутъ новыя бойцы... Опять «ура». Но на этотъ разъ оно крѣпнетъ, ростетъ, ростетъ... Залпамъ нѣтъ конца. Но—вотъ штыки уже въ крови. Кровь на лицахъ, на рукахъ... Начался послѣдній актъ; но самый ужасный—штыковой бой. Кровь льется рѣкой; гдѣ наша, гдѣ чужая—не разберешь. Штыки устали—приклады работаютъ. Все перемѣшалось... Здѣсь мы бьемъ. тамъ насъ бьютъ...

— Баринъ, а баринъ! Что отстали?

Я очнулся; смотрю, команда уже далеко... бросился догонять.

— А вонъ Радишево, — говоритъ одинъ солдатикъ. — Вонъ подъ тѣмъ редутомъ, какъ бишь его... запаматоваль — мудренное названіе, — нашихъ легло видимо-невидимо...

— А Гривица далеко отсюда? — спросилъ я.

— Гривица? Да какъ сказать. Та тамъ будетъ, — и солдатикъ махнулъ рукою. — Тамъ нашего брата больше всего полегло.

Въ шесть часовъ вечера мы вступили въ Плевну. Повсюду поражали непроходимая грязь и нестерпимый смрадъ. Слѣдовъ нашего бомбардированія, однако, не замѣчалось; а сколько десятковъ тысячъ снарядовъ поглотила эта яма.

Впослѣдствіи я узналъ, что наши снаряды плохо разрывались, а потому и не производили разрушеній. Вѣроятно, вслѣдствіе этой причины и турки такъ упорно держались въ своихъ редутахъ... Однако, что вспоминать этотъ страшный «Плевненскій кошмаръ» — довольно его было и въ свое время.

Въ Плевнѣ намъ дали дневку и 25 декабря погнались дальше. Согласно приказанію и маршруту, мы должны были идти въ Орханію.

Въ десять часовъ утра мы выступили. Пройдя версты двѣ отъ города, подошли къ тому мѣсту, гдѣ 28-го ноября сорока-тысячная армія Османа - паши сложила оружіе.

Вдоль шоссе, на нѣсколько десятковъ саженой, тянулись кучи сваленнаго оружія: ружья, тесаки, штыки, сабли, ятаганы, кинжалы, патронные ящики— все было перемѣшано и занесено снѣгомъ. Эта картина меня удивила. Ровно мѣсяць назадъ это дорогое, хорошее оружіе было тутъ сложено,—и никто не позаботился его убрать. Даже караула для охраненія его не было поставлено. Бери, значить, сколько хочешь и что хочешь—совсѣмъ по русски.

Пройдя еще версты три съ небольшимъ, мы подошли къ мосту черезъ р. Видъ. Тутъ была рѣшена участь Плевны.

Сзади насъ поднимались возвышенности. На нихъ, то тутъ, то тамъ, виднѣлись силуэты грозныхъ редутовъ и батарей—мощная турецкая позиція. А тамъ, впереди, безпредѣльная равнина; только вдаль, вдаль, чуть не на окраинѣ, замѣтны были небольшіе бугорки снѣгу. Должно быть, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были ложементы и батареи нашихъ гренадеръ. Жалкая позиція: только русскій солдатъ и могъ ее удержать.

Къ вечеру мы были у Горнаго-Дубняка, на мѣстѣ кровавой драмы 12 октября.

— Вонъ онъ, проклятый редуть,—сказалъ солдатикъ Финляндскаго полка.—Много нашихъ тутъ легло. Царство имъ небесное! Енерала нашего, Лаврова, и того убили, проклятые... Хорошій былъ енераль.

— А ты былъ тутъ въ дѣлѣ?—спросилъ я.

— А какъ-же? Въ нашей седьмой ротѣ больше всего народу полегло. Наши и редуть взяли...

— Ну, чаво брешишь-то, первыми наши ворвались,—перебиваетъ Измайловецъ.

— Нѣтъ, наши,—кричитъ Лейбъ-гренадеръ.

Завязался споръ.

Впослѣдствіи я узналъ, что честь взятія редута не принадлежитъ ни одной изъ частей: всѣ вмѣстѣ взяли. Благодаря хаосу, происшедшему вслѣдствіе путаницы съ сигналами (это часто у насъ встрѣчалось), всѣ части перемѣшались,—и эта-то общая масса и взяла редуть... Солдатъ взялъ.

31-го декабря мы пришли въ Орханію, къ подножью Балканъ. Здѣсь, послѣ пяти дней ходу, мы въ первый разъ увидѣли войска, да и вообще людей.

Весь путь отъ Плевны до Орханіи представлялъ изъ себя пустыню. Нѣкогда богатые и обширные села, Луковицы, Петревени, Яблоница, Осиковица и

т. д., были теперь жалкими руинами. Не было камня на камнѣ—война все разметала.

Переночевавъ въ Врачешахъ, мы получили приказаніе идти въ Ихтеманъ, гдѣ явиться въ штабъ Гвардейскаго корпуса.

Деревня Врачешъ находится у самого входа въ ущелье, ведущее на Арабо-Конакскій перевалъ. Она была сравнительно мало разорена.

Спустя версты четыре, передъ нами встали Балканы, со всеми прелестями представляющаго ими ландшафта.

Глаза не знаютъ—на чемъ и остановиться. Вонъ выдвигаются грандіозныя громады скалъ; вонъ одна вершина прячется за другою... А вотъ и сѣрые откосы дикаго камня... Прелестъ... Какъ все причудливо, такъ и просится на полотно Калама. А тутъ, винзу, бѣшеный говоръ ручья; пѣна и брызги такъ и бьютъ, точно имъ хочется дорваться до вершинъ этихъ гранитныхъ исполиновъ, ушедшихъ въ небо.

Что ни шагъ, все новыя и новыя картины. Дорога извивается вдоль ручья... То перескочить на одинъ берегъ, то на другой, то лѣпится по узкому карнизу, то развернется, то съжмется между скалъ... но вотъ начался и подъемъ. Дорога пошла вдоль обрыва. Долина съ ручейкомъ куда-то ушли глубоко,

глубоко внизъ... Вотъ попадаетъ и падалъ: лошади, быки, буйволы. Надъ ними носятся цѣлыя стаи воронъ—праздникъ имъ. Вотъ сломанныя колеса, оси, фургонъ на боку, зарядный ящикъ вверхъ дномъ, нѣсколько поломанныхъ тѣлегъ; а вонъ крестъ—могила, должно быть.

— Ну, теперь уже не далеко отъ Рябѣго Коня *), вонъ Задорникъ **) ужъ видѣнъ, — сказалъ одинъ солдатикъ, указывая на исполинскую шапку горы, окутанную легкою дымкою.

— Да вотъ, кажись, и «Павловская» гора...

— А вонъ наша—«Финляндская».

— Ишь — добрая батарейка, на самой макушкѣ приютилась. Энта наша. Первый баталіонъ Московскаго полка строилъ...

Что ни шагъ, то рядъ воспоминаній и слѣды страшнаго труда, терпѣнія и отваги.

Да, стоянка блестящей гвардіи на этихъ угрюмыхъ вершинахъ, занесенныхъ снѣгомъ, была не легче Шипкинской.

Со дня выступленія изъ Этрополя и до спуска въ долину Комарцы, т. е. слишкомъ мѣсяцъ, никто

*) Такъ многие солдаты называли Арабо-Конаксій переваль.

**) Задорникъ на солдатскомъ діалектѣ значилъ Шандорникъ. Это высшая гора на Этропольскихъ Балканахъ. На ней была сильная туредкая позиція—и дѣйствительно задорная.

не раздѣвался. При этомъ одежду, пропитанную сыростью непроглядныхъ тумановъ, дождей и снѣга, приходилось сушить у костровъ, не снимая съ плечъ. Сукно прѣло и часто прогорало. Возвращаясь изъ траншей и ложементовъ, люди, совершенно вымокшіе, выпачканные въ грязи и промерзшіе до костей, бросались къ огню и здѣсь, усталые, зачастую засыпали такъ близко къ кострамъ, что на нихъ загоралась даже одежда. Чтобы не замерзнуть, на ночь разсыпали по полу палатокъ горячую золу съ непотухшими еще угольями и ложились на нихъ. Утромъ проснутся—шинели прожжены, одни лохмотья висятъ..... а онѣ и безъ того уже были продырявлены и оборваны отъ постоянной носки въ нихъ земли, мяса, сухарей и тяжелыхъ артиллерійскихъ снарядовъ. Бѣлье и фуфайки—отъ нихъ оставались только слѣды, все истлѣло. У многихъ солдатъ видѣли только уцѣлѣвшій воротъ, удержанный галстукомъ, «капканчикомъ», какъ его называли солдаты, такъ какъ на немъ собиралось больше всего насѣкомыхъ. А тутъ еще холодъ, голодъ, выюги, тяжелыя работы, бессонныя ночи и постоянное напряженіе.

Страшный, ужасный видъ представляли войска: обросшія, закопѣлыя отъ дыма лица, слезящіеся, воспаленные глаза, лохмотья вмѣсто одежды и на

ногахъ уродливыя, закорузлыя опанки. Вѣтеръ подулъ, вьюга заиграла—и вотъ всѣ закутываются въ полотнища палатокъ... Ходятъ медленно—точно тѣни въ саванахъ. Ни громкаго говора, ни пѣсни; всюду гробовая, щемящая душу тишина; только нѣтъ, нѣтъ, да раздастся хриплый кашель изъ надорванной груди, а разсѣется туманъ—ружейная трескотня, грохотъ канонады и вслѣдъ пронзительные крики и стоны раненыхъ.

Больныхъ — масса... Врачей—мало... Медикаментовъ—никакихъ.

Вотъ соберутся, у палатки доктора, несчастные, съ отмороженными членами, воспаленными глазами, кашлями и ревматизмами, и цѣлые часы на морозѣ, во вьюгу, выжидаютъ своей очереди показаться.

— У тебя что?—спрашиваетъ сурово служитель Эскулапа уже сотаго человѣка.

— Ноги, вашескоблагородіе.

— Отморозилъ? Покажи.

Солдаты раздѣвается.

— Гм...—многозначительно процѣдить сквозь зубы докторъ.—Смазать саломъ.

Фельдшеръ третъ, но только для успокоенія совѣсти. Ознобленіе страшное—саломъ уже не поможетъ... Подходить слѣдующій.

— У тебя что?

— Руки ломить, такъ и сверлить.

— Ревматизмъ... Натереть летучей мазью.

Фельдшеръ опять третъ... и это тутъ же на морозѣ и вѣтрѣ.

Только людей съ явными признаками начинающейся гангрены и воспаленіемъ дыхательныхъ органовъ отправляли въ Орханію, въ дивизионные лазареты; всѣхъ остальныхъ удерживали при полкахъ, такъ какъ иначе никого-бы не осталось.

Только русскій солдатъ можетъ еще выносить это и, будучи въ лохмотьяхъ, безъ сапогъ и съ отмороженными оконечностями, быть побѣдителемъ.

Невольно вспоминаются прекрасные стихи поэта-дипломата:

«Какимъ именемъ я назову
Пережитую ту эпопею,
Тотъ чудовищный сонъ на яву?
Безъ обоза, въ лохмотьяхъ босая
Черезъ горы, чрезъ снѣгъ, черезъ ледъ,
Эта сѣрая сила святая
Совершила «безсмертный походъ»...
Да,—«взиралъ цѣлый міръ въ удивленіи,
Какъ пошли мы врага попираТЬ...»

Но вотъ историческія мѣста, покрытыя славою легендарныхъ подвиговъ, остались сзади. Начался подъемъ къ перевалу. Дорога убійственная: камни, ямы, рывтины. Налѣво — обрывъ, направо — скалы.

Гранитныя глыбы надъ самой дорогой висятъ такъ, что, кажется, такъ и придавятъ. Взошли на гору. Это первый приступъ къ Арабъ-Конаку. Съ вершины видна дорога, сбѣгающая зигзагами въ лощину и опять всползающая на слѣдующую ступень этой гигантской лѣстницы. Внизу видны какіе-то обозы. Оттуда—шумъ, крикъ, трескъ, скрипѣніе арбныхъ колесъ... Мы спустились и подошли къ цѣлой вереницѣ всевозможныхъ повозокъ: артиллерійскія, войсковыя, интендантскія, «Краснаго креста», «Товарищества голоданія»... впрочемъ, что я... «продовольствія»,—все сбились и ждутъ очереди. Вверхъ по дорогѣ уже тянется нѣсколько фургоновъ, зарядныхъ ящиковъ и арбъ.

— Никоимъ чертомъ энту фуру не втащишь. По этой дорогѣ всѣхъ лошадей зарѣжишь.

— Болванъ! Я сказалъ тебѣ отпречь лошадей отъ послѣдней повозки и припречь сюда!—кричитъ «самъ» транспортный офицеръ.

— Да, вашескородіе, въ послѣдней-то сейчасъ двѣ лошади окалѣли. Она и по сейчасъ на самомъ низу!...

— Ахъ, милыя! Лю-лю-лю!.. Ну, еще маленечко! Эхъ, ну, еще, еще!—покрикиваетъ дальше солдатикъ, подгоняя несчастныхъ лошадеенокъ, выбившихся изъ силъ. Бока провалились, глаза вылѣзли, ноги дрожать.

— Да, нѣшто на этихъ втащишь такую фурищу?.. Ишь навалили—пудовъ тысящу будетъ! А кони, почитай, дней пять какъ не жрали... «Самъ» денежки все въ карманъ, да въ карманъ; вы, моль, говорить, братцы, молодцы, раздобудете фуражъ. Пошарьте, гдѣ плохо лежитъ... А гдѣ тутъ шарить—голь...

— Ей, родимыя! Ну, еще! Лю-лю-лю...

Лошади дергаютъ, рвутся, бросаются въ стороны, изъ хомутовъ, кажется, вылѣзутъ; но нѣтъ—фура стала.

— Архипка, а Архипъ! подложи скорѣе камень подъ колеса!—раздается дальше.—Тормазъ оторвало, Архипъ!

Суета, крики—но поздно. Повозка начинаетъ уже спускаться и тянетъ за собою лошадеенокъ.

— Дьяволы!.. черти!.. Легче, легче! Да подложи камень! А то всѣхъ собьешь!—кричать сзади.

— Братцы! Ой, братцы, помощи! Родимые!

— Держи лѣвѣй! Эй ты!

— Стой, легче, легче!

Раздается неистовый крикъ, ругань... Но вотъ трескъ, шумъ посыпавшихся каменьева: сорвалась—повозка летитъ въ пропасть...

— Ну, что стали, трогай!

— Повозка сейчасъ сорвалась!

— Ну, и шутъ съ ней. Вѣчная память. Трогай дальше!

Транспортъ двинулся.

Обгоняя повозки, я въ три часа былъ на высшей точкѣ перевала, а въ четыре—за Балканами. Это было 1 января 1878 года.

Передъ глазами растилалась теперь обширная равнина, окаймленная со всѣхъ сторонъ горами.

— Теперь на Софію пойдѣмъ.

— Зачѣмъ на Софію?—наши полки въ Златицѣ...

— А наши въ Софiи.

— Да нѣшто еще не подбились? По мнѣ, такъ въ Камерцы, да на ночлегъ.

— Приказано въ Ихтиманъ идти.

— Въ Ихтиманъ и пойдѣмъ,—говорить «старшій».

— Ну, дудки! Мы на Софію...

— А мы въ Златицу...

Начался споръ. Унтеръ-офицеръ лб. гв. Измайловскаго полка (теперь не помню уже какъ его звали), бывшій за старшаго, началъ успокаивать буяновъ; но его и слушать не хотѣли... Спорили, спорили, кричали, ругались, — наконецъ, раздѣлились. Одни пошли въ Камерцы на ночлегъ, другіе на Софію, третьи въ Златицу, четвертые прямо черезъ горы

на Вакарель, въ Ихтиманъ. Къ послѣдней группѣ присоединился и я.

— Ну, что тутъ подѣлаешь?! Дисциплины никакой... Сволочь какая-то! Вотъ я бы ихъ къ нашему ротному, живо бы вымундштровалъ,—говорить «старшій».

Дѣйствительно, во время войны, дисциплина слишкомъ пала. Разлагающимъ элементомъ были, въ особенности, старые солдаты, пришедшіе изъ запаса—«билетные», какъ ихъ называли. Прожившіе долгое время по деревнямъ, далеко отъ «барабана», они, въ большинствѣ, окончательно забыли дисциплину. Если-бы ни форма, то подчасъ нѣкоторыхъ нельзя было бы признать за солдатъ: башибузуки какіе-то, не признающіе ни суда, ни расправы. Я отъ многихъ слышалъ, что «билетные» зачастую показывали тамъ тылъ, гдѣ молодые солдаты, даже послѣднихъ призывовъ, лѣзли прямо на штыки.

Будь при нашей командѣ офицеръ, эта безпардонная ватага, разумѣется, не осмѣлилась бы высказывать своихъ желаній; но, видя въ «старшемъ» такого же солдата, какъ и она, послушаніе исчезло.

Партія, съ которой я пошелъ черезъ горы на Вакарель, къ вечеру добрела до деревни Раковицы.

Несчастливая деревушка, затерявшаяся гдѣ-то между горами, представляла одну общую массу развалинъ; кой-гдѣ только наскоро сложенные лачужки и вырытыя землянки. Большинство семействъ прямо—подъ навѣсами, то у сохранившейся части стѣны, то у плетня. Должно быть, только что вернулись на родное пепелище. Исхудалые, въ какихъ-то лохмотьяхъ, еле, еле прикрывавшихъ наготу, всѣ они сидѣли у костровъ сбившись, какъ бараны. Ни звука, ни шороха. Даже при видѣ насъ никто не пошевелинулся. Двѣ, три собаки только привѣтствовали нашъ приходъ своимъ лаемъ. При взглядѣ на эти несчастныя, ничемъ неповинныя жертвы войны, можно было прочесть въ ихъ изстуженномъ выраженіи лицъ: «Зачѣмъ вы пришли?.. Зачѣмъ разорили насъ? Зачѣмъ эта война?.. не нужно намъ свободы. Намъ и безъ нея было хорошо. У насъ были стада, хлѣбъ, вино; теперь ничего. А дальше что? Свобода! Да будетъ-ли съ нею лучше?..»

Пятнадцать лѣтъ прошло съ того дня—и что-же? — Болгарамъ, дѣйствительно, не лучше.

Прежде ихъ притѣсняли и мучили: паши-губернаторы, *кади*, *тюфбекчи-баши* (оберъ-полицѣймейстеръ), и *аяны* (городничіе), которые безъ суда и слѣдствія хватали и сажали несчастныхъ въ душную, пропи-

танную зловоніемъ, *тумрукъ-хана* ¹⁾. Наконецъ, *бен-спахи* (князья-помѣщики) ²⁾ высасывали изъ нихъ послѣднія силы сборомъ *гарии* ³⁾ или, какъ болгары выражаются—*на харамъ* ⁴⁾.

Теперь-же Стамбуловы, Муткуровы и прочіе дѣйствуютъ тоже не лучше. Нѣтъ, пожалуй, даже хуже.

Переночевавъ въ Раковицѣ, подъ открытымъ небомъ, мы на другой день, рано утромъ, двинулись дальше въ Вакарель.

Переходъ былъ трудный. Приходилось идти по горамъ и ущельямъ почти безъ дороги, или по небольшой тропинкѣ, занесенной снѣгомъ.

Эта часть Балкана не очень возвышена. Она покрыта богатою растительностью и великолѣпнѣйшими буковыми и дубовыми деревьями; величественны эти вѣковые исполины. Яблони, груши, сливы—тоже въ изобиліи. Лѣтомъ тутъ рай. Но зимой—съ снѣжною пеленою, какъ-то таинственно мрачно смотрятъ эти оголенные сучья и черные стволы.

Поднявшись на одинъ откосъ, мы увидѣли, въ нѣсколькихъ шагахъ въ сторонѣ, стадо козъ и овецъ. Онѣ лѣзлились по скалѣ. Не въ далекѣ стоялъ и

¹⁾ Тюрьма, мѣсто производства пытокъ.

²⁾ Бен—князья, дѣти, рожденныя отъ наложницъ султановъ.

³⁾ Барщина.

⁴⁾ На проклятое запятіе, на воровство.

пастухъ, наигрывавшій на *гайдъ* (волынкѣ) какую-то заунывную пѣсню. Только у подневольнаго народа и можетъ создаться подобная.

Пройдя немного дальше, я увидѣлъ *мандри* (заводы, гдѣ приготавлилось масло и сыръ). Теперь они были пусты.

У горскихъ болгаръ эта отрасль хозяйства была въ большомъ развитіи. Обыкновенно, нѣсколько хозяевъ, соединивъ свои стада, образовывали, такъ называемыя, *овчарскія дружины*. Во главѣ этого общаго стада, зачастую отъ двухъ до трехъ тысячъ головъ, становился *главатаръ*, по турецки—*кехал*. Онъ былъ обязанъ охранять стадо, собирать и продавать масло, сыръ, шерсть и платить *бегликъ* т. е. подать. Турецкое правительство, обыкновенно, брало десятую часть овецъ. Въ мандрѣ, при *аглы* (очагѣ), находился всегда *кѣшиникъ* (кашеваръ), занимавшійся хозяйствомъ пастуховъ, и затѣмъ *масларъ* (по турецки мандраджія) и *сиренаръ* (по турецки каракурухчія). На обязанности послѣднихъ была заготовка масла, сыру и *извару* (творога).

Не смотря на увѣренія орханійскаго коменданта, въ Ихтиманѣ мы не только не нашли штаба Гвардейскаго корпуса, но абсолютно никого, если не считать трехъ-четырехъ отставшихъ казаковъ и такого

же числа деньщиковъ генерала графа Ш., которые суетились у разнаго скарба своего господина,—а скарба этого было много: въ иномъ баталіонѣ было меньше.

Положеніе наше было критическое. Куда идти: впередъ—въ Филиппополь? А, можетъ быть, наши части гдѣ нибудь въ сторонѣ?—Думали, гадали...

— Пойдемте въ Филиппополь. Можетъ быть, по дорогѣ кого нибудь догонимъ, не назадъ же возвращаться.

— Да куда тутъ идти? Впору ложись, да окалѣвай. Ъсть нечего. Сухари вышли. Порціонныя въ Орханѣ дали на три дня, а нонѣ ужъ пятый. У меня и гроша не осталось. Да тутъ и за деньги ни черта не купишь...

Рѣшили идти впередъ. Что будетъ, то будетъ.

Въ Татаръ-Базарджикѣ мы застали одинъ изъ полковъ отряда генерала Криденера. Но полковой командиръ, не имѣя никакихъ инструкцій, не могъ удовлетворить наши нужды. Такимъ образомъ, мы снова остались безъ сухарей и порціонныхъ денегъ, а въ желудкѣ такъ и гложетъ... Что тутъ дѣлать? Оставалось одно: воровать, мародерствовать. Солдаты такъ и сдѣлали.

Придя въ небольшую деревушку, Дуганъ-Кіюй, и, размѣстившись по хатамъ, всѣ, первымъ дѣломъ

попросили у своихъ хозяевъ чего нибудь поѣсть; но братушки наотрѣзъ заявили, что у нихъ ничего нѣтъ.

— Нема, нема ништо! Турче сичко позиме!.. Черкесь, казакъ сичко позиме. Нема ништо!—кричали болгары.

Между тѣмъ по дворамъ ходили куры, гуси, бараны.

— Врешъ, бестія! Какъ, нема, нема! А это что?—кричать солдаты, указывая на птицу и барановъ.

— Это не мое, это сосѣда,—отвѣчаетъ болгаринъ.

Спрашиваютъ сосѣда, тотъ тоже отнѣкивается.

— Не мое, да не мое! Ну, такъ значить наше,—рѣшили солдаты и бросились ловить куръ и гусей.

Болгары, разумѣется, подняли неистовый вопль. Хозяева куръ тотчасъ нашлись. Они ругались, кричали, шумѣли, называли насъ баши-бузуками. Дѣйствительно, не хорошо: дневной грабежъ. Насиліе. Но какъ-же иначе-то долженъ былъ поступать солдатъ? Добромъ никто ничего не давалъ. Купить—не на что было, а ѣсть всѣ хотѣли убійственно.

Хозяинъ хаты, въ которой остановился я, увидя эту расправу, поспѣшилъ предупредить моего «преображенца» Өадѣва, который тоже намѣревался *сви-снуть*, какъ выражаются солдаты.

— У мене въ къща (домъ) има малку. Долази! Мы вошли.

Передъ очагомъ, въ которомъ пылалъ небольшой огонь, сидѣло нѣсколько замазанныхъ, слюнявыхъ ребятишекъ. Тутъ же копошилась и ихъ *майка* (мать). Болгаринъ что-то пробормоталъ ей; она плаксиво затарахтѣла.

— Нема, нема, нема ништо...

— Мялчи, не плачи. Дай ни: ракинцы, извара, буза, яйце ¹⁾.

Майка намѣревалась что-то отвѣтить, но болгаринъ прикрикнулъ—и та исчезла за дверьми.

Пока передъ нами устанавливали неприветливыя явства, до меня донесся изъ темнаго угла какой-то шорохъ и болѣзненный стонъ.

— Что тамъ?—спросилъ я.

— Мома (дѣвушка).

— Что съ ней? больна?

— Бѣдна, бѣдна! Голѣма трясовица (сильная лихорадка).

Я подошелъ къ дѣвущкѣ; молоденькая, смазливенькая. Отъ внутренняго жара щеки такъ и пылаютъ, *като шипка зачервилась* ²⁾. Глаза блестятъ. Сама разметалась. Грудь полуоткрыта. На обнаженномъ плечѣ какая-то тряпица съ залекшеюся кровью.

¹⁾ Молчи, не плачь. Дай-ка водки, творогу, квасу, яйцъ.

²⁾ Какъ розанъ разруманилась.

— Бѣдная, да она, кажется, и ранена?—спросилъ я.

— Да,—отвѣчалъ болгаринъ.—Турки, башки-бузукки, хотѣли ее взять въ гаремъ, ну, да она не далась, убѣжала. Трое сутокъ была въ полѣ, затѣмъ къ намъ пришла. Она не нашего села... Она изъ подь Самакова. Насъ Богъ помиловалъ, а въ другихъ селахъ много дѣвушекъ испортили и увели... Горе намъ съ этой войной.

— Что дѣлать! Теперь пострадаете, за то потомъ будете свободны...

Сѣдой болгаринъ недовѣрчиво покачалъ головой и глубоко вздохнулъ... Старикъ видно предчувствовалъ, что не скоро будетъ лучше.

7-го января, въ пять часовъ, мы вошли въ Филиппополь.

Филиппополь, Филибе или Пловдивъ, какъ его называютъ болгары, раскинулся на нѣсколькихъ холмахъ и издалека очень красивый городъ. Но войдите въ улицы—и вы ахнете: грязь, вонь, нечистотъ масса; въ лужахъ дохлыя собаки, кошки, мостовыя убійственныя, освѣщенія никакого... Словомъ, всѣ атрибуты каждаго чисто турецкаго города.

Вслѣдствіе быстрого и молодецкаго налета нашихъ войскъ и занятія желѣзнодорожной станціи эскадронномъ капитана Лб. Гв. Драгунскаго полка, Бураго,

все населеніе, за исключеніемъ нѣсколькихъ сотъ ту-рокъ, осталось въ городѣ. Оно состояло изъ сброда разныхъ національностей. Здѣсь были и болгары, и армяне, и греки, и цыгане, и цыңары (волохи), и венгры, и нѣмцы, и павликіане (болгары-католики), и помаки (болгары-магометане), и жи́ды. Послѣднихъ гдѣ, гдѣ только нѣтъ.

Евреи Турціи, впрочемъ, не похожи на нашихъ. Они, вопервыхъ, говорятъ не на ломанномъ нѣмецкомъ, какъ наши, а на ломанномъ испанскомъ языкѣ. Это безспорно доказываетъ, что предки ихъ были выходцами изъ «страны мантильи, вѣера и кастаньетъ», т. е. одними изъ тѣхъ 170,000 семействъ, которыя въ 1492 году были изгнаны немилосердными и фанатичными служителями Ватикана, жрецами ауто-да-фе и инквизиціи.

Одежда турецкихъ евреевъ тоже доказываетъ ихъ вѣковое сожитіе съ магометанами — сперва съ маврами, затѣмъ съ османами. Они носятъ длинные, цвѣтные халаты изъ демикотона, ситца, или шерстяной матеріи и, сверхъ халата, суконное *джубе* (кафтанъ); на ногахъ желтыя, или черныя туфли; на головѣ феску, или чалму. Еврейки, какъ и турчанки, одѣты въ шальвары и *фбередже* (верхняя одежда).

Всѣ евреи по большей части, какъ и всюду, *саррафы*, т. е. банкиры, или гуртовые торговцы, *тѣжки торговцы*—какъ выражаются болгары.

Въ Филиппополѣ было 13 церквей, одна синагога и 31 мечеть. Изъ послѣднихъ самыя замѣчательныя: *Джумая* (пятница), бывшая церковь св. Параскевы-Пятницы, и *Имаретъ* (мечеть Маріи), прежде церковь Успенія Пресвятыя Богородицы. Это древнія историческія зданія, пережившія много событій.

Осматривая Имаретъ, я крайне былъ удивленъ увидѣвши надъ воротами: старый желѣзный крестъ, какую-то облѣзшую, почернѣвшую и потрескавшуюся, не то икону, не то просто квадратную доску и что-то, очень похожее на окорокъ ветчины. Я спросилъ сопутствовавшего меня болгарина—гиды, что значутъ эти вещи, и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее преданіе.

Когда турки, въ 1360 году, покорили южную Ораклію, Македонію, поработили воинственныхъ албанцевъ и сдѣлали своею столицей Эдирне (Адріанополь), султанъ Муратъ I Гехази (1359—1389) послалъ свои войска, подъ предводительствомъ визиря, покорить и Пловдивъ; но здѣсь яничары и спаги встрѣтили сильное сопротивленіе. Храбрыя болгарскія дружины, подъ предводительствомъ своего воеводы Николы, разбили турокъ на голову. Узнавъ объ этомъ, Муратъ не-

медленно приказалъ собрать новое отборное войско и самъ повелъ его осаждать дерзкій городъ. Въ числѣ окружавшихъ Мурата лицъ была и его жена, дочь болгарскаго царя Шишмы.

Усилія овладѣть городомъ продолжались долго, но всѣ приступы турокъ были отбиты. Видя, что одною храбростію крѣпости взять нельзя, Муратъ прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ велѣлъ объявить болгарамъ, что, если они не отпрутъ воротъ, то онъ прикажетъ подъ стѣнами крѣпости зарѣзать свою жену, любимую болгарами царевну. Это извѣстіе поколебало мужество защитниковъ. Болгарскіе воеводы и пловдивскіе священники рѣшились тогда отпереть ворота; но въ это время пришли къ нимъ на помощь сербы и уговорили ихъ не впускать турокъ, такъ какъ султанъ только хитритъ и никогда не казнитъ царевны.

Болгары послушались, а Муратъ и исполнилъ угрозу. На другой день царевна была казнена. Чтобы отомстить за это своимъ союзникамъ, филиппопольцы отворили ночью ворота, впустили турокъ и провели ихъ къ сербскому лагерю.

Всѣ сербскіе воеводы были немедленно казнены. Кончивъ эту кровавую расправу, Муратъ пошелъ помолиться и посмотреть въ церковь Успенія. Но тутъ представилось ему видѣніе. Въ царскихъ вратахъ онъ

увидѣлъ жену. Грозно смотрѣла на него царевна. Мурать испугался и побѣжалъ къ выходу; но видѣніе его догнало.

— Ты погубилъ сербскихъ воеводъ, а потому и самъ погибнешь отъ руки ихъ сыновей, — сказала царевна и исчезла.

Пораженный Мурать, желая хоть впредь избавиться отъ видѣнія, приказалъ церковь обратить въ мечеть.

— Въ нашъ храмъ она не явится. Аллахъ великъ, а Магометъ, первый пророкъ его, защититъ меня,—подумалъ султанъ, но ошибся.

Каждый разъ, какъ онъ входилъ въ новую мечеть молиться, онъ видѣлъ передъ собой, грозившую ему, убитую жену. Тогда онъ велѣлъ мѣсто, на которомъ показывалось видѣніе, перегородить стѣной. Когда это было исполнено, на воротахъ Имарета невидимая рука царевны повѣсила свиной окорокъ, желѣзный крестъ и образъ. Султанъ велѣлъ снять ихъ и бросить въ рѣку. Но на другое утро они снова были на своемъ мѣстѣ... Опять сняли, но напрасно. Нѣсколько разъ повторялось это; наконецъ, надоѣло Мурату и онъ приказалъ все оставить на мѣстѣ и даже впредь не трогать, а самъ скорѣе уѣхалъ въ Эдирне.

— Съ тѣхъ поръ тутъ и висятъ крестъ, образъ и окорокъ,—закончилъ свое повѣствованіе болгаринъ.

— Но это, разумѣется, не тѣ крестъ и окорокъ, которые повѣсила царица?—спросилъ я.

— Какъ не тѣ? Тѣ-же самые.

Я улыбнулся. Болгаринъ обидѣлся.

Что касается же пророчества, если оно только было, то оно дѣйствительно сбылось. Муратъ I, какъ извѣстно, былъ убитъ на Коссовомъ Полѣ сербомъ Милошемъ Обиличемъ.

Придя въ Филиппополь, мы, разумѣется, первымъ дѣломъ отправились въ штабъ Гвардейскаго корпуса, чтобы предъявить свои документы, адресованные на его имя. Но, увы! Насъ тамъ не приняли: скитанію еще не было конца.

— Это не наше дѣло; ступайте къ этапному коменданту,—заявилъ намъ одинъ изъ адъютантовъ, *bien jeune, mais fort décoré*.

— Но, ваше высокоблагородіе, Орханійскій комендантъ приказалъ явиться въ штабъ и тутъ сдать документы,—говорить «старшій».

— Болванъ! Говорю тебѣ, что это не наше дѣло. На это этапный комендантъ есть. Понялъ?

— Такъ точно! Да этапнаго коменданта тутъ нѣтъ; какъ-же намъ быть?

— Подождите. На этихъ дняхъ, вѣроятно, назначать коменданта.

— Ждать-то намъ невозможно. Наши полки, можетъ быть, опять дальше пойдутъ.

— Догоните.

— Ёсть намъ нечего. . Порціонныя деньги слѣдуетъ еще получить за нѣсколько дней...

— Все получите.

— А гдѣ-же намъ остановиться? Гдѣ продовольствоваться? Или можно по своимъ полкамъ разойтись?

— Нѣтъ, въ полки еще нельзя. Нужно всѣ ваши документы провѣрить, приказъ отдать. Васъ пока расположатъ на квартирахъ. Ступайте въ управленіе губернатора. Тамъ сдѣлаютъ распоряженіе...

Пошли къ губернатору.

— Что за ерунда,—подумалъ я.—Приказали явиться въ штабъ, а тутъ насъ никто и знать не хочетъ. Наконецъ-то, догнали полки, а присоединиться къ нимъ не смѣемъ: нужна какая-то формалистика. Входящій и исходящій номеръ, безъ нихъ никакъ невозможно.

Охъ, ужъ эти номера, номера! Сколько съ ними подчасъ лишней проволоочки и путаницы.

Управленіе губернатора помѣщалось на единственной прямой улицѣ города, носившей у Турокъ названіе *Чершія*, т. е. городъ.

Народъ сноваль тутъ, какъ муравьи. Толкотня, шумъ, крикъ, ругань на пропалую и на всѣхъ діалектахъ. Какъ будто шло соревнованіе, кто крѣпче выругается.

На каждомъ шагу сцена,—здѣсь комичная, тамъ трагичная...

— Такъ вамъ, братцы, квартиры нужно?

— Такъ точно ваше превосходительство!

— Гм!.. Какъ-же быть? Гм!.. Это въ сущности, вѣдь, не мое дѣло отводить вамъ квартиры. Отчего вы по полкамъ не разойдетесь?

— Въ штабѣ сказали, что никакъ нельзя... Приказъ будетъ. Послали къ вашему превосходительству... Помилосердствуйте, прикажите отвести.

— Гм!.. А въ полицейскомъ управленіи вы были?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Не были? Такъ зачѣмъ-же вы пришли ко мнѣ?

— Въ штабѣ приказали...

— Въ штабѣ, въ штабѣ! Да, вѣдь, вы знаете, что это не мое дѣло. Ступайте въ полицейское управленіе...

Опять зашагали. Еле, еле нашли префектуру.

— Что вамъ нужно?

Мы рассказали

— Да, какія-же теперь квартиры? Скоро ночь. Приходите завтра.

— А ночью гдѣ-же намъ быть?..

Префектъ задумался.

Наши-ли просьбы, нашъ-ли печальный и усталый видъ, или сознаніе нашего безвыходнаго положенія

дали импульсъ—не знаю, но въ концѣ концовъ грозный префектъ-полковникъ приказалъ позвать къ себѣ чорбаджию и отдалъ ему соответствующее приказаніе.

— Квартіры вамъ сейчасъ отвѣдутъ, но больше я ничѣмъ не могу вамъ помочь. Съ Богомъ.

Насъ повели по какимъ-то закоулкамъ и черезъ часть размѣстили.

Домъ, въ которомъ отвели помѣщеніе мнѣ и Оадѣву, имѣлъ снаружи мрачный, таинственный видъ. Не то тюрьма, не то крѣпость. Войдя въ калитку, мы очутились на небольшомъ дворѣ, чисто вымощенномъ плитами дикаго камня. Въ глубинѣ двора виднѣлся небольшой садикъ. По серединѣ его, бѣлаго мрамора,—бассейнъ фонтана; кругомъ стройныя, вѣчно зеленые кипарисы. Справа домъ съ флигелями, слѣва службы. Все не то въ мавританскомъ, не то просто въ восточномъ стилѣ. Затѣйливо, но ветхо.

Вошли въ домъ... Большая прихожая, богато отделанная дубомъ; направо и налево двери, прикрытыя тяжелыми шерстяными драпри. Матерія грубая—мѣстнаго производства, а, можетъ-быть, и сирійскаго, или изъ окрестностей Діарбекира. Пестрая, краски яркія,—но въ общемъ эффектно, оригинально.

Взглянувъ на эту богатую обстановку, отнюдь не гармонировавшую съ наружностью дома, а главное съ фасадомъ, выходившимъ на улицу, я невольно

подумалъ: не попали-ли мы, чего добраго, въ гаремъ. Это было-бы интересно.

Сбросивъ съ себя аммуницію, мы, т. е. я и Өадфевъ, пошли осматривать наше новое жилище, которое, судя по первой комнатѣ, обѣщало быть интереснымъ.

Войдя въ первую направо дверь, мы очутились въ большой столовой. Посрединѣ стоялъ низенькій круглый столъ, впрочемъ—скорѣе большой подносъ на ножкахъ. Кругомъ низенькія табуретки. Нѣкоторыя изъ нихъ были опрокинуты. На столѣ лежала опрокинутая ваза съ вареньемъ изъ айвы и нѣсколько крошечныхъ чашечекъ съ кофе. Кругомъ, по полу, были разсыпаны орѣхи всевозможныхъ сортовъ, финики, винныя ягоды, кишминшъ.

Въ стѣнѣ шкафъ—дверцы настекъ. На полкахъ стеклянная, фаянсовая посуда... Большинство разбито.

Словомъ всюду безнорядокъ—слѣды суеты, бѣгства.

— Должно, кофеи распивали,—обратился ко мнѣ Өадфевъ, съ жадностью закладывая въ ротъ орѣхи, финики и допивая оставшійся кофе.—Ишь какая сладкая ягода, точно сахаръ; отвѣдайте баринъ.

Я отказался.

— Да отвѣдайте турецкаго—ей, ей вкусно,—и Өадфевъ началъ собирать своими грязными пальцами пролитое варенье и облизывалъ ихъ...

Вторая комната была нѣчто въ родѣ гостиной, или вообще пріемной. На полу мягкій персидскій коверъ—нога такъ и тонетъ. Вдоль стѣнъ низкія, но довольно широкія отоманки; на нихъ разбросаны мутакі и различной величины подушки. Стѣны расписаны восточными орнаментами. Только на востокѣ, подъ вѣчно голубымъ небомъ и среди роскоши природы, фантазія и могла родить такіе причудливые, строго гармоничные и, при томъ, всетаки не шаблонно-симметричные рисунки. Ни одинъ завитокъ дважды не повторяется: все новое, и новое.

Посрединѣ комнаты большой опрокинутый мѣдный *мангалъ* съ рассыпавшимися по ковра угольями. Должно быть, кто-нибудь споткнулся на немъ, когда бѣжалъ изъ этихъ хоромовъ, при вѣсти, что «московъ-аскеръ» — «гяуръ» близко.

Дальше слѣдовало нѣсколько комнатъ безъ опредѣленнаго названія. Въ нихъ стояли табуреты, шкафчики, столы... Затѣмъ корридоръ; изъ него двери въ спальни. Войдя въ нихъ, я увидѣлъ полный порядокъ: все было на своемъ мѣстѣ; даже приготовленныя постели не были помяты. Отовсюду доносился сильный, но крайне пріятный. запахъ духовъ: такъ и чувствовалось, что здѣсь недавно еще была женщина, быть можетъ:

«Прелестная Албанка,
Иль смуглая Гречанка,
Иль дѣва «Казино»
Латинскаго квартала
Пашу тутъ услаждала».

Увидя мягкія постели, мы, разумѣется, первымъ дѣломъ бросились на нихъ.

— Фу-ты, ну-ты! Вотъ хорошо-то! Въ сласть выспимся сегодня,—сказалъ Өадѣвъ.—Ишь-ты мягкія какія... Ну, и житье-же было тутъ бабамъ!

— Кому житье, а кому и каторга.

— Тутъ-то каторга? Что вы баринъ!

Өадѣвъ, разумѣется, не зналъ, что такое гаремъ, этотъ *haram* восточнаго Востока, съ его евнухами—этими уродами человѣчества, съ его замкнутой своеобразной жизнью, гдѣ все только рассчитано на животное удовлетвореніе страсти; съ его интригами, низвергавшими однихъ и возвышавшими другихъ; съ его воплями несчастныхъ невинныхъ жертвъ, оторванныхъ отъ роднаго очага. Но я невольно вспомнилъ сочиненіе Османа-Сейфи-Бея (Фридрихъ Миллингенъ) — «Въ гаремѣ», и мнѣ представился цѣлый рядъ самыхъ пошлыхъ, развратныхъ сценъ...

Комната рядомъ была не то будуаръ, не то уборная. Чего, чего тутъ только не было:

«Изъ Тегерана шали и ковры,
 Стамбула кофты, ткани изъ Каира,
 Тунисскіе ножи, Японіи дары
 И крошечныя туфли изъ Алжира»

Туалетный столъ, окутанный тюлемъ, лентами и кружевами, былъ заставленъ милліардомъ всевозможныхъ флакончиковъ, бутылочекъ, баночекъ, скляночекъ. Здѣсь были духи: Аткинсона, Бейли, Віоле, Убиганъ, Пино, Любенъ, пудра для лица, пудра для волосъ, бѣлила «Бланъ-де-перль», румяна «Иланжъ-Иланжъ», карандаши для подкрашиванія бровей, «Экстре-вежеталь» для волосъ, зубная паста «Оріенталь», мыло «aux fleurs de Lys de Kachemug»; словомъ, кажется, все, что только изобрѣлъ свѣтъ по части косметики. «Фрина», «Сафо», «Нана» — кажется, позабывали бы всѣмъ этимъ аксессуарамъ.

— Вотъ она гдѣ, цивилизація запада! — подумалъ я и углубился въ размышленія.

Мой-же спутникъ былъ практичнѣе. Взявъ двѣ шали, онъ началъ валить въ нихъ: и крошечныя туфли изъ Алжира, и ткани изъ Каира, и духи, и элексиръ, и мыло; даже румяна и бѣлила не забылъ.

— Бабъ своей въ деревню отвезу.

— Да румяна-то ей на что?

— Какъ на что? Пускай себѣ позабавится.

Я расхохотался. Өадфевъ въ эту минуту былъ прекомиченъ. Связывая свои трофеи, онъ какъ-будто священнодѣйствовалъ...

Было уже далеко за полночь, когда мы, наконецъ, улеглись на постеляхъ одалисокъ... Тепло, мягко. Отъ одуряющаго запаха духовъ какая-то ерунда лѣзетъ въ голову. Не то сонъ, не то на яву...

Когда я проснулся, южное январское солнце было уже высоко и ярко играло на стройныхъ шпицахъ минаретовъ. Съ улицы неслись крики и шумъ, а рядомъ раздавался храпъ Өадфева; иллюзіи сна исчезли.

Наскоро одѣвшись, я отправился на лѣвый берегъ Марицы, въ предмѣстьѣ *Карти-ека* (зарѣчный кусокъ), гдѣ былъ расположенъ мой баталіонъ.

Явившись къ командиру, я попросилъ его скорѣе вырвать меня изъ команды, которой, повидимому, предстояло еще много помаяться.

— Ступайте въ вашу роту. Я скажу о васъ въ штабъ...

На слѣдующій день, 10-го января, баталіонъ выступилъ, во главѣ авангарда, къ Адрианополю,—и я снова пошелъ отмѣривать версты турецкихъ дорогъ.

С. А. Гринёвъ.

